

Людмила Никулина

Клетка

Харьков

2014

ББК 84(4УКР=РУС)6-44
УДК 821.161.1(477)-31
Н 65

Никулина Л. П.
Н 65 Клетка: рассказы. – Харьков: «Федорко»,
– 2014. – 132 с.

В новую книгу прозы Людмилы Никулиной вошли рассказы, отражающие сложные процессы современной жизни. Образы и ситуации ярки и реалистичны.

ISBN 978-966-2785-97-5

ISBN 978-966-2785-97-5

© Никулина Л. П., автор, 2014
© Заболотских Д. В., оформление, 2014
© Федорко М. Ю., издатель, 2014

КРУПНЫМИ БУКВАМИ ПИШЕТСЯ ЖИЗНЬ

«Клетка» — первый сборник прозы автора, хотя имя Людмилы Никулиной, как поэтессы, читателям давно известно из многих публикаций в литературных журналах и альманахах. Сущность каждого из рассказов раскрывается настолько глубоко и чувственно, что, читая их, начинаешь сопереживать вместе с их героями.

Поражает, с какой болью в одноименном рассказе автор повествует о судьбе бывшего студента Игоря Клочко, запутавшегося в сетях наркозависимости, пытавшегося выбраться из пагубного влияния в тюремных стенах. Судьба юноши сломана нелепо, случайно и неотвратимо закономерно, так показывает автор в своем произведении. Порой даже верится, что у парня все получится, когда в это тяжелое время к нему приходит его муза, ложась на клочке бумаги такими строками:

Крупными буквами пишется жизнь,
Мелкими — крепко за стены держись.
Беглыми — быстро спасайся от ветра.
А неразборчиво — клеточек метры.

(Стихи Людмилы Никулиной).

Автору удаются и яркие портретные характеристики героев.

«При этом она устремила взгляд на подсыдимого — молодого человека лет двадцати пяти, уже успевшего так себя заездить, что появляется неумолимое желание его отмыть, отстирать, откормить...»

Что ни штрих — и зримая картина, зримый образ.

«Она крутилась перед зеркалом, как птичка на весенней ветке, боясь наступить на разбухшую почку сирени. И так, и так, выставляя по очереди свои ножки — одну за другой вперед, словно начинающая балерина перед дебютом». (Рассказ «Визитка»).

Стиль Людмилы Никулиной оригинальный, она пишет как чувствует, понимает. Язык колоритный поэтический, символы зачастую кроются даже в самих названиях произведений: «Клёна опавшего длинная тень», «Полтавская запредельность»...

Каждый её рассказ не похож на предыдущий, скорее всего, это контраст в её личном воспроизведении человеческих судеб. Начиная с первых строк, никогда не догадаешься, чем он закончится.

Разные люди, разные судьбы оживают на страницах книги автора.

Творчество Людмилы Никулиной отличается глубиной психологического самоанализа, самопоиска, что очень важно в наше время для творческого возрождения действительности.

Гоголь не покидает своей Родины, он глубоко впечатан в души наших современников, и, надеюсь наших потомков. Какое вдохновение заложено в атмосфере почти стихийного оползнянского рынка керамической посуды, сделанной руками украинцев в домашних условиях. Почти в каждом дворе Диканьки стоит печь, где люди обжигают это неповторимые шедевры. Украина в этом рассказе автора говорит и поёт, смеется и живёт в гоголевских образах и современных украинцах. (Рассказ «Полтавская запредельность»).

В рассказе «Градусник» ярко выписаны характеры двух подруг, которые и прожили, и видели немало, но «...мои ошибки уже давно позади и другого мне не надо. Я уже не в том возрасте, чтобы поддаваться иллюзиям... Но своего Пашку я бы никогда и ни с кем не перепутала...» — рассуждает героиня рассказа Татьяна.

Масштаб интересов, интеллектуально-эмоциональных, духовно-философских, которыми

живет автор этой книги, увлекающее своеобразие её литературного таланта и жизненный опыт, явили нам оригинальную творческую личность.

Я думаю, что современный и благодарный читатель по достоинству оценит писательский талант Людмилы Никулиной.

*Нина Виноградская,
член НСПУ,
Заслуженный деятель
искусств Украины.*

КЛЕТКА

— Прошу всех встать! — достаточно громко произнес секретарь. — Суд идет.

В зал судебного заседания входит судья — женщина неопределенного возраста, с подобранными и тонированными под платину волосами, одетая в мантию и судейским знаком на груди, прижимая к себе уголовное дело. За нею, как вода после открытия шлюзов, влились в зал судебного заседания граждане — люди разного происхождения и статуса, безмолвно толкаясь и распределяясь по скамейкам, как в театре.

Идет открытый судебный процесс, так похожий на сегодняшний день и лицами, и движениями, и каким-то необъяснимым духом современности. Судья, медленно опустившись в кресло, предложила вошедшим присесть, после чего объявила о начале судебного заседания, огласив присутствующим какое дело будет слушаться.

В этот момент наступила тишина, как перед боем, и колесо судебного процесса начало постепенно набирать обороты, подчиняя инертности передаваемые друг другу эмоции, связанные с переживаниями и осуждениями обнаженных

судом пороков. И предугадать, что же будет дальше, никто не может.

Судья открыла материалы уголовного дела и приступила к проверке лиц, явившихся в судебное заседание. При этом она устремила взгляд на подсудимого — молодого человека лет двадцати пяти, уже успевшего так себя заездить, что с первого взгляда появляется неумолимое желание его отмыть, отстирать, откормить, чтобы его внешний вид не оказывал влияние на его психологический портрет. Далее, после оглашения обвинительного заключения и обращаясь к подсудимому, судья строго оглядывает его с ног до головы, как бы предвещая обстоятельность и законность предстоящего решения суда, и, наконец, задает ему вопрос:

— Вы признаете себя виновным?

У кого-то из присутствующих в зале упал на пол мобильный телефон, издав звук, разрушивший тишину зала.

— Да, Ваша честь, признаю.

— В полном объеме? — продолжала судья.

— Да, признаю полностью.

В этот момент в зале что-то зашевелилось, волна оживления покатилась в направлении

постамент, где сидела судья, и как бы оттолкнувшись о неприступность закона, отлетела в сторону металлического ограждения клетки, внутри которой стоял подсудимый Клочко Игорь Сергеевич, держась за прутья ограждения, как будто, именно эта поза, могла помочь ему избавиться от неожиданного заточения и процессуального статуса подсудимого. Поможет выпорхнуть, преодолеть эти давящие отовсюду несколько метров внезапного заключения, чтобы потом... чтобы потом, когда все сложится нормально, не сидеть в этой клетке перед судом и людьми.

Судебный процесс начался, он состоял из вопросов и ответов, которые возникали на первый взгляд спонтанно, как будто вытягивая тянущимися нитями из памяти события, которые он совсем не помнил из-за передозировки. Но надо было ответить, ведь он признал себя виновным. А открыться нельзя — позади следователь и прокурор, которые, уж точно, восстановят его память.

— Что вы сказали? — продолжила судья.

— Я познакомился с Димкой на улице, выпили, закурили, пошли в ночной клуб, где встретили Димкиного друга с его девушкой Миррой.

— Как?

— С Миррой, так звали его девушку.

— А дальше?

— А потом Мирра пригласила нас домой, угостила «травой», а потом я пошел домой, по ошибке взяв ее сумочку, которая стояла на столе. Утром проснулся, на полу у кровати что-то валялось, присмотрелся, то была женская сумка небольшого размера серого цвета с большой вышивкой красного цвета недалеко от застежки, точно такую сумку я когда-то уже видел и тоже в спальне, в какой-то спальне...

После этого подсудимый замолчал, как бы поперхнувшись воздухом, и торопливо продолжил:

— Вначале я не понял, что это, а потом меня как током шарахнуло — это же сумка Мирры, то есть той девушки, ну, подруги моего друга Димы. Я быстро осмотрел содержимое сумки — там была губная помада, какие-то записки, визитки из салона красоты и расческа с остатками темно-русых волос на шипах. «Вот дурак, что я наделал?» — подумал я...

После этих слов он обратился к потерпевшей:

— Ну, скажи, Мирра, там же не было денег?

Застывшая в позе невинной овечки, Мирра Котельская молчала.

— Подсудимый! — живо одернула судья. — Обращайтесь к суду. Я вас слушаю.

— Простите, Ваша часть, но, она же знает, что в сумке денег не было, — отрезвляющим тоном ответил подсудимый.

А дальше был допрос потерпевшей, так и не вспомнившей, как у нее в тот вечер украли деньги в сумме двести гривен.

— Вы видели, как подсудимый похищал сумку? — продолжала судья.

— Нет, я была в другой комнате, сумка висела на вешалке в прихожей, — продолжала Мирра.

— А кто провожал подсудимого из квартиры?

— Никто, он ушел сам утром.

— А откуда вы это знаете?

— Мне мой парень сказал, что он ушел утром.

— Хорошо, зачем тогда вы пригласили в дом незнакомых людей? — строгим тоном продолжала задавать вопросы судья.

— Это не я, а Никита мой.

— Вы наркоманка?

— Нет, иногда курю.

— А деньги откуда у вас?

— Никита дал на колготки.

— Подсудимого, значит, никогда раньше не встречали?

— Встречала на дискотеке, мы с ним танцевали и целовались, когда выходили покурить, но это было до Никиты.

— Так, значит, раньше вы были знакомы с подсудимым?

— Конечно, нет, я даже не знала, как его зовут.

— Подсудимый, потерпевшая говорит правду? — обратившись в сторону клетки, произнесла судья.

— Нет, она все придумала, я всего один раз до этого был у нее дома, тогда она была пьяна и попросила меня остаться. Я остался, надеясь, что завтра все это продолжится. Но утром она сказала, что ей надо быть на занятиях, вытолкала меня из квартиры, при этом металась по комнатам, как подбитая, вернее подпитая птица, не глядя в мою сторону. С тех пор мы не виделись до того вечера, когда она была уже с этим недоделанным Никитой. И что она в нем нашла?

— Подсудимый, вы же признали себя виновным, а теперь рассказываете суду свои истории в несколько другой интерпретации.

— Но я же не хотел воровать, может, я нашел сумку в квартире, не знаю...

Дальше суд продолжал допрашивать потерпевшую, свидетелей, судья задавала перекрестные вопросы, а в конце заседания предоставила слово подсудимому в судебных прениях, который не понял, что от него хотят, мямлил какие-то неразборчивые слова, все время смотрел в сторону потерпевшей, не понимая, что надо говорить. Зато в последнем слове он вдруг обнаружил красноречие, каялся и обещал, что такое больше никогда не повторится, и что он не будет ходить в гости к девушкам.

Когда оглашался приговор, он стоял ровно, совсем безучастно смотрел на меняющие свою конфигурацию губы судьи, а в голове стоял такой тупой шум, что решение Фемиды по сравнению с ним казалось несколько отдаленным и недоступным к восприятию. Как будто не его судьба решалась именно сейчас, а наоборот — он был сторонним наблюдателем этого действия. После наступившего оцепенения тело его резко наклонилось вперед, качнулось, после чего он почувствовал себя пьяным, хотя не употреблял спиртное и не курил более шести месяцев, находясь под стражей в следственном изоляторе. Он снова резко вцепился обеими руками за металлические прутья

ограждения — решетки, отделившей его от социума одним судебным процессом, как за спасательный круг, после чего его косточки на пальцах побелели.

«Как три года лишения свободы? За что?»

Перед его потухшим взглядом внезапно пронесли почему-то его школьные годы. Литературный кружок, куда он записался сам, без решения мамы, где его встречал всегда с улыбкой рассеянный педагог-преподаватель языка и литературы. Гусев Евгений Борисович. Уникальная личность. Однажды, когда он показал ему свой первый набросок стихов, тот внимательно посмотрел, прищурился, как бы не видя букв, после чего направил свой мудрый взгляд человека, наделенного скромностью и умом, спокойно заметил:

— Пишите. В этом что-то есть.

Тогда он и подумать не мог, что он, одаренный природой ученик, имеющий неперемные способности не только в математике, но и в литературе, поступит на филологический факультет университета, а потом, после этого нелепого задержания по подозрению в краже, находясь в камере следственного изолятора, напишет такие строки:

*Крупными буквами пишется жизнь
Мелкими — крепко за стены держись..
Беглыми — быстро спасайся от ветра
А неразборчиво — клеточек метры ...*

— Подсудимый, вам понятна суть приговора? — спросила судья.

— Что? — взглянув вперед, переспросил он.

— Вам понятен приговор и сроки его обжалования, — повторила судья.

— Нет, нет, я не понимаю, почему меня лишили свободы. За что? Меня подставили, неужели вы это не поняли? — почти закричал он.

— Все свои сомнения вы имеете право изложить в апелляционной жалобе. Заседание окончено, — проговорила судья, обрывая последнюю надежду подсудимого на свободу.

После этого судья, как статуя, прошла мимо него, стоящего в клетке, не оставив никакой надежды на возвращение в прежний мир беззаботной и безответственной жизни. А в воздухе растворился тонкий запах, смешанный с амбре ее дорогой косметики и холодом удаляющейся из зала черной мантии.

Вот и все. Его сердце забилося в унисон стучащим молоткам в висках, пойманной птицей в клетке.

«Вот и конец, конец... — бежало волной по его телу. Не выслушали, не разобрались. И зачем он выгораживал Никиту? Он же теперь не будет отбывать за него наказание. Дурак я, дурак, и был им всегда».

Его ноги занемели от напряжения, в горле пересохло, язык судорожно касался его щек и казался невероятно большим, мешающим дышать и перекрывающим его сознание. Вот что такое приговор, не так он представлял суд, не так понимал свое окружение. Боже, что теперь будет с его мамой, она же не переживет этого. И на суд не пришла, заболела, наверное.

Конвоиры хладнокровно подошли к нему, надели наручники.

В камере он ни с кем не разговаривал, смотрел на осколок неба в окне, не понимая еще до конца, что же с ним произошло, но ощущение клетки преследовало его, приглушая надежду на освобождение. После немного пребывания в одной и той же позе он завернулся в одеяло и ушел далеко-далеко вглубь себя, в воспоминания двора, где вырос, Галку со второго подъезда, которая всегда нравилась ему, а он, наверное, ей... Пробегая мыслями по зарослям своих воспоминаний,

он оказался мысленно в их с мамой квартире, где вместе с ними жил в клетке желто-зеленый попугай Сеня. Почему жил, он и сейчас выкрикивает: «Хочу есть, хочу есть!» Интересно, как он находится постоянно в клетке, при этом радуется каждому утру и новым лучикам взошедшего солнца? Неужели ему не хочется наружу, где можно лететь куда угодно. Бедный Сеня. Как он теперь? Ведь его пространство состоит из нескольких десятков воздушных сантиметров, а он поет по утрам и призывает к общению. Если бы он мог подумать, что сам окажется в клетке, как Сеня, вне свободы. В клетке камеры и клетке собственной, метущейся по краям внутреннего пространства его уже успевшей уколотся о прутья еще только начинающейся жизни. Если бы только.

Мама придет, я ей все объясню, я не виноват, это Мирра не сказала правду в суде, а его друзья спрятались от правосудия, как муравьи от дождя, с такой легкостью предав их отношения, в которые он вкладывал по-своему чистый смысл, далекий от предательства и лжи.

«Зачем они так со мной? — продолжал он свои размышления. — Что я им сделал? За что? Правду

мама говорила, чтобы он был поразборчивей со своими друзьями. Вот и разобрался — угодил в тюрьму. И этот первый опыт близости с Миррой. А может быть, со всем миром?» — бился пульс в его голове.

Вот и клетка, в которую он шагнул добровольно, а она захлопнулась.

Следующим утром он отказался от еды.

«Вот бы сейчас уколоться, хотя бы один кубик», — подумал он, нервно перебирая воротник своей рубашки, пытаюсь уйти от всех и себя одновременно, раствориться, вернуться туда, где есть свобода, где никто никого не учит, не осуждает, где налицо полный выбор поведения и уединения. — А потом? Зачем думать, что будет потом?»

«Но это же клетка», — кто-то ответил ему изнутри. — Это же зависимость, стена, через которую пройти невозможно».

«Ну и что? — спорил он сам с собой, — там же нет суда и виновных, но там есть осуждающая бесконечность», — что-то вторило из глубины его сознания. Бесконечность, ведущая к ограждению себя от себя и окружающих. «Я попал в западню, я не знаю, что мне делать и как выбраться из нее. Я так хочу уколоться!..» — снова нахлынуло на него.

Он вспомнил рассказ бывшего наркомана, живущего этажом выше, который как-то открыл ему некоторые моменты своей изуродованной биографии о том, что наркотики бросить можно, все зависит от воли человека, но это надо сделать тогда, когда они не отбросили тебя от реальности и не сделали твое тело и душу послушным инструментом в чьих-то невидимых руках, именуемых зависимостью.

«Не знаю и не хочу знать...» — он нервно перебирал точки и запятые, о которые спотыкался, не ощущая ссадин и ушибов ни на теле, ни на своей душе, он метался внутри себя, не желая, чтобы кто-либо из его теперешнего камерного окружения заметил его муки, подавленность и наступившую слабость. Он так хотел вырваться из этого замкнутого кругом пространства, но перед глазами стояла эта непреодолимая судейская клетка, жужжащий шорох зала судебного заседания и ударивший по его жизни колокол обвинения, звуки которого рассыпались по всем клеточкам его тела, переполняя их чем-то инородным и чужим до леденящей степени непринятия, вытесняя положительные гены легкомысленного до этого момента образа его жизни.

«Интересно, — продолжал думать он. — В Интернете пишут, что организм человека построен на клеточном уровне. Все клетки имеют свои границы. Тогда почему мозг не воспринимает замкнутое пространство тела? Значит, не тело рвется на свободу, а что-то более тонкое и необъяснимое, живущее в нем и составляющее его суть? А куда я иду? Что пропустил? Кого потерял и что? Нет, не потерял, я еще вернусь и докажу этим предателям, что смогу разорвать цепи своих недавних ошибок. Они узнают, как я могу скрывать свои синяки и ссадины, потому что именно благодаря этому я непременно узнаю цену очищению, не от подлости, а от самого себя, вступившего в полосу ошибок и внешнего непонимания».

Потянулись однотонные дни, похожие на оборванные в клочья бумажные афиши. Их неинтересность и тупость сменялась бесконечными мыслями, которые как изогнутая спираль пронизывали его тело, пытаясь определить степень отчаяния от наступившего безысходства, поселившегося в нем после суда. Он понимал, что находился в состоянии внутреннего наркоза, при котором не было ощущений, а лишь редкие

вспышки памяти возвращали его все в те же воспоминания о чем-то, о ком то.

И сквозь эти муки переживаний металась в закрытой клетке разума его потускневшая от неожиданного укола душа, не понимая еще до конца, где она, что с нею, кому она принадлежит. Билась, чтобы выбраться из заточения еще не знавшего настоящего испытания тела молодого человека, попавшего в западню собственного изобретения.

Внезапно хлопнул тяжелый затвор двери в камеру, куда вошел совершенно бледный с глубоко впавшими глазами молодой человек лет двадцати восьми. Он молча опустился на нары и закрыл лицо руками.

«Еще один, — подумал про себя Игорь. — Кто следующий? Во всяком случае, я не один в своей паутине, здесь такие же, как я, и тоже люди, вместе легче...»

Наступил Новый год. Выпало так много снега, что дети, словно маленькие мишки кувыркаются во влажном, белом веществе, подаренном небом, радуясь этому чуду природы. А вечером загорелась множеством гирлянд огромная елка, как символ перехода времени в синюю прозрачность

и чистоту зимы. Словно и не было грязных осенних улиц, хмурых лиц и затянувшейся пасмурности. Все выглядело настолько торжественно и легко, что хотелось поднять полы своего длинного пальто и взлететь высоко-высоко над городом, где так много света и праздника, не знающего границ.

А в закрытых стенах исправительного учреждения, где отбывает наказание Игорь, время имеет свои измерения, огражденные от ветра забываемой свободы, ветра, который постоянно уносит в сторону тот час, когда можно будет беспрепятственно распоряжаться своими днями, нет, драгоценными минутами.

Он просмотрел редкие письма — «оттуда», вспоминая их тексты — это же мамины письма... Она единственная, кто не оставил его, не отказался от порочного сына. Только она помнит и принимает его таким. Она ждет его домой, под свое крыло, как ждут птицы своих неразумных птенцов.

Игорь понемногу смирился со своим положением, как бы приостановив прорыв чувств и эмоций, не пытаясь нырять в ограниченные дали своего саморазрушения, где на данный момент еле теплился огонек его некогда плававшего голубым

пламенем мира, где не было места рассуждениям о правильности поведения и о возможных неожиданных поворотах судьбы с ее непредвиденными последствиями.

Клетка... Эта невыносимая клетка давила, закрывала выходы во все пространства и направления. Так он мог часами лежать почти неподвижно, ни с кем не общаясь, а перед глазами напротив зияла квадратная дыра окна, разделенные на квадратики-клеточки металлической арматурой.

Пошли третьи сутки его безысходного путешествия по разным маршрутам воспоминаний. Отчаянье сменялось злостью, бессилие — глубокими вздохами, похожими на стонущее дерево, когда ему бывает больно от разрушающего ветра. И под этот невыносимый шум стенаний и всплесков негодования он, наконец, смог отключиться в нахлынувшем, как и его горе, сне, где он шел по заснеженной улице... Вокруг ни души... Только шорох осыпающихся с неба снежинок напоминал нечто, похожее на музыку, которую он раньше никогда не слышал, но звуки, которые так проникали в него сквозь одежду, впиваясь пиявками странных нот в кожу, заставляя ежиться

и извиваться, меняя положение тела. Внезапно он оказался в заснеженном лесу, где было так много снега и так пустынно. Он шел, не зная куда, по снежному песку, погружаясь по колени в сыпучую массу, преодолевая препятствия и проваливаясь. Он шел, не оглядываясь, не чувствуя своих ног, и, наконец, оказался у большого дома с деревянным крыльцом, двери в который были открыты настежь, а в окнах горели свечи, обжигая стекла церковной копотью, отражение которых перекликалось с лунным светом одинокой на небе луны. И откуда-то из глубины дома доносилась все та же мелодия, без нот и направлений. Ее неуловимые звуки напоминали нечто таинственное и шелестящее, падающее и трепещущее... Что это? Кто автор? Он никогда подобного не слышал. А звуки все больше и больше подходили к его гортани, перекрывая кислород...

Он пытался войти в дом, окруженный голубоватыми сугробами, но в это время из-за деревьев, обрамляющих фасад загадочного жилища, выскочили огромные волки, которые рычали, сверкали своими раскаленными яростью хищников глазами и бежали к нему навстречу. Один из них повалил его на снег, начал рвать клыками его

одежду, как бы призывая других волков к нападению, а с языка его стекали на снег ручейки теплой крови, «Вот она смерть», — отбиваясь от зверя, подумал он.

Но внезапно волк остановился. Из дома выбежала овчарка и вцепилась зубами в горло вожака стаи, брызнула кровь, окрасившая шкуру волка бурыми пятнами. А потом все смешалось — и вой, и рычание, и стон раненых, рвущих друг друга на куски зверей. Он поднялся на ноги, закрыл ладонями уши, а перед глазами метались разъяренные волки, раздирающие в клочья несчастную овчарку. И все вокруг вдруг стало красным и обмякшим, как уходящая жизнь храброго пса, защитившего его.

— Мм-аа... ма-ма! — кричал он во сне.

А волки, справившись с несчастной собакой, устало разошлись и растаяли в бликах ночи, оставив на снегу растерзанное животное. Он тихо подошел к месиву, которое некогда было собакой, чтобы рассмотреть его раны, и вдруг что-то холодное опустилось на его плечо, и вновь вернулась все та же мелодия.

— Вставай, — его разбудил сокамерник, — к тебе пришли.

— Кто?.. — просыпаясь машинально спросил он.

— Не знаю, кажется, девушка, твоя подруга.

— Нет, — ответил Игорь сквозь туман не пробуждения ... Нет, нет, нет у меня подруг и друзей. Клетка... Клетка... Эх ты, Мирра, зачем ты так? — Его глаза закрылись, как в обмороке, сон затягивал его обратно, в ту ужасающую сцену леса и неравного поединка волчьей стаи и его защитника.

И опять эта мелодия из того сна, она была неуловима и одновременно рядом. От нее тошнило, но невозможно было избавиться.

«Куда она ведет, что обозначает? Лучше бы я не проснулся, там, во сне, меня чуть не съели волки, а здесь в этом начавшемся в камере дне, душно и невыносимо тесно, потому что не знаешь заранее, каким зверем обернется для тебя твоя судьба».

Он тяжело поднялся, подошел к двери, немного постоял, оглянулся на все то же тюремное окно и, вдруг как будто что-то оттолкнуло его назад.

«Нет, — подумал он. — Нет... Туда я больше не вернусь, потому что там, на свободе, я останусь таким же несвободным от себя самого. Нет, надо драться с этим зверем — наркотической зависимостью, и я его убью».

...А там, за тюремными стенами летали снежинки, как белые птицы, и помутневший взгляд осужденного Игоря Ключко невольно ловил их, цепляясь за колючие крылья замерзшей надежды, вдыхая их неуловимый аромат, потому что мысли, как и новогодний снег, имеют свой запах. Запах клетки — наконец понял он.

И снова эта мелодия, как и недавно написанное четверостишие:

*Крупными буквами пишется жизнь.
Мелкими — крепко за стены держись.
Беглыми — быстро спасайся от ветра.
А неразборчиво — клеточек метры.*

ПОЛТАВСКАЯ ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Несколько лет назад Ольга Богдановна ехала в Киев в служебную командировку. Накануне, как всегда, было много работы, связанной с подготовкой соответствующих документов, посещением салона — надо же выглядеть соответствующе, подбирала костюм с элементами дрезкода, а наряду со всем этим надо было закончить текущие дела. В общем, моталась, как белка в колесе. Проснулась в пять утра, нервно собирала вещи, документы... Не выспалась, но вскоре за нею заехал водитель Сашка, вечно улыбающийся, приветливый молодой человек с симпатичной родинкой на правой щеке. И через некоторое время они уже мчались по трассе, удаляясь всё дальше и дальше от Харькова. Перед любой поездкой она почти не спала, боясь опоздать, постоянно посматривала на часы, прислушивалась к ночным звукам и шорохам.

Такая пунктуальность в поведении выработалась у нее за многие годы, и что-то изменить в этом на данный час почти невозможно. В дороге она все время смотрела в окно и мысленно отслеживала каждое движение автомобиля и своего водителя Сашки. Она не помнила, с чего это началось,

но она постоянно участвует в этом процессе, зная, что это глупо, но беспокойство в пути у нее присутствует всегда. Даже в такси она никогда не расслабляется и зачастую подсказывает таксисту, как надо ехать, чтобы было безопасно, и где притормозить. Возможно, всему этому есть причина, она ведь тоже умеет водить и имеет водительские права. В убаюкивающей монотонности дорожного движения Ольга Богдановна задремала и сразу же куда-то провалилась...

Во сне она от кого-то бежала, испытывая животный страх, потом спряталась в каком-то неизвестном ей доме, куда начали сходитьсь какие-то люди в странных одеждах. Они молча переступали порог и растекались по комнатам... Она шла за ними и очутилась в небольшом помещении, уставленном старинной мебелью, где у окна спиной к ней стоял мужчина в черном плаще... Боже, у него не было головы!!! Он заговорил с ней на неразборчивом и гулком, как из-под земли, наречии. Спросил, что она делает в его доме и чего хочет от него? Ей было трудно говорить, вязкость слов тянулась из нее, как патока, но она, все же ответила, что едет в Киев на совещание. Тогда он повернулся к ней и представился:

— Я — Гоголь, странно, что вы этого не заметили...

— Но как же я вас узнаю, если... — отвечала она.

— Вы должны были меня узнать, потому что пришли в мой дом и в мой мир, а это не случайность, — ответил он, медленно приближаясь к ней.

В тот момент она его вовсе не боялась, его притяжение было настолько сильным, что она его понимала и без слов. Он предложил ей присесть на кушетку, сам остановился рядом, сложив руки перед грудью. Его силуэт казался особенно выразительным в темноте застывшего времени, а голос таким близким, что она без особенных церемоний стала живо расспрашивать, как его дела, над чем работает и что написал в последнее время.

— Лучше расскажите о себе, почему вы здесь, в гостях у проклятого автора... сколько вам потребовалось времени для самоутверждения, сколько? — настаивал он.

К её горлу подкатил комок, перекрывая дыхание, но она старалась говорить и не потерять связующую нить между их, возникшими на тонком уровне мирами.

А он продолжал:

— Почитайте мои письма к современникам и вы все поймете. Не спрашивайте меня больше об этом, — ответил писатель.

— Почему вы совсем молодым уехали в Петербург, и из каких источников черпали темы никем до вас не раскрытой глубинной философии простоты, которая являла собой сцены из жизни ваших героев? — поинтересовалась она.

— Поезжайте, в наше родовое поместье, я там часто прогуливаюсь и отдыхаю в своем кабинете, но там душно... душно... Там мой перстень...

— Что вас связывало с Пушкиным?

— Он не любил меня, малоросса из Полтавской губернии, но от моих трудов не отказывался, смеялся. То ли надо мной, то ли над собой?.. Вообще, дружеские... Нас хотели разлучить, но не получилось — он на десять лет старше меня

— Но почему среди множества друзей-литераторов из «Современника» вы были одиноким аскетом, отказавшимся от любви, еды, от наследства?

— Потому что я не мог по-другому жить и писать...

— Ваши произведения — это нечто, но в них отсутствует тема любви, вашей любви к девушке, например.

— Я не любил тех, кого не смог полюбить.

— А как же ваши рассказы об эротических снах? Как они помещались в границах вашей ото всех замкнутой натуры?

— Говорить можно о многом, но это не значит говорить о себе.

Под воздействием его слов она несколько смешалась, но потом, все же, осмелилась тоже задать ему несколько встречных вопросов о его личной жизни, о том, любил ли он когда-нибудь женщину и почему у него не было семьи?

...Смотрите — видите, сколько их в соседней зале собралось, они все ждут меня, умоляя о продолжении своего существования, и я должен это сделать, потому что, кроме меня, их никто не спасет, они — моя семья, мои дети и моя любовь...

Наступила пауза...

— Почему вы молчите? — настаивала она.

В ответ прошипело его внутреннее:

— Мне пора к ним, уходите, уходите... Моя голова... Уходите же! — Он повернулся опять к ней спиной и быстро исчез...

А комнату, где она с ним общалась, заполнил голубоватый дым, от которого она начала кашлять, потом задышаться, цепляясь руками

за шторы и... проснулась от того, что машина остановилась, а Сашка говорит:

— Не пойму! По-моему, мы заблудились, не туда поехали.

От такой неожиданности она чуть не подпрыгнула на месте:

— Как заблудились? Мы же не в первый раз едем по этой трассе, и никогда подобного не случилось, — возмущалась она.

— Кажется, мы кружим по полтавским полям, — тихо отвечает Сашка.

— А как же нам отсюда выбраться? — еще больше заволновалась она.

— Не знаю, попробуем вернуться назад на киевскую дорогу.

Ехали долго, молчали. Этим дорогам Полтавщины, узким, бегущим по полям заасфальтированной лентой, кажется, не будет конца. Понимая, что она уже давно опаздывает на совещание, она нервно теревит ручку сумки, и не может до конца понять, что же с ними происходит. Почему ее водитель, мужик бывалый и выдавший виды, ранее работавший на Крайнем Севере, заблудился на знакомой местности?

А они все кружили по проселочным дорогам, теряя терпение. И вдруг увидели домики, чисто

выбеленные, окруженные садами, и прямо перед ними открылась небольшая площадь, посреди которой стоял памятник Гоголю. Они молчали. Вокруг никого. Медленно выходя из машины, она остановилась перед возвышающимся во весь рост изваянием и неожиданно вслух произнесла:

— Что же это вы, Николай Васильевич, так пошутили надо мной?

Наступившее вокруг безмолвие натолкнуло ее на мысль — это не случайно! Гоголь, наверное, услышал ее в недавно написанном стихотворении о нем. Вспоминает это стихотворение и не может вспомнить ни слова. Почему-то, кажется, что он дал ей знак, что услышал ее.

Накануне она, действительно, написала стих, посвященный Гоголю, вот две строчки:

Тиха украинская ночь...

Одной звезды фонарь далекий...

Никогда не касалась подобных тем, остерегаясь посвящений, а то вдруг она выплеснула из себя, потому что с самого детства присматривалась к его образу, его странному таланту, к его тайне. Но почему он так ответил ей? Да это же он вырвал ее из обыденности!!!

Долго потом она отходила от этого гоголевского плена, вспоминая неизвестный до этого

памятник писателю в этой никем не прочитанной до конца полтавской глубинке.

А в Киеве все было хорошо. На совещание она попала и никого не подвела, потому что сам чиновник опоздал на два с половиной часа.

Дорога... дорога... В последнее время о ней говорят, что она убийца, потому что число погибших в авариях все увеличивается. Её возвращение из Киева домой совпало с великим праздником Рождества Христова, который уже окропил украинскую землю священной водой из проруби. Ехали спонтанно, не зная, где будут ночевать и кого встретят на своем пути. Внезапно, слева от автомобиля, появилась белая, словно ангел с неба, арка, а за нею — церковь. Они посмотрели с водителем друг на друга, молча приняли решение и он повернул влево, попав в самобытный уют Диканьки. Она думала, что Диканька — это маленькая деревенька, с немногочисленными хатками, утопающими в вишневых садах... Но это было не так. Когда повернули на главную улицу, то увидели, что справа располагались административные здания, музеи, школы, а впереди прямо передними возникла красивая церковь. Навстречу шел мужчина в одежде священника, с седой бородой, улыбаясь и внимательно оглядывая их.

Вот странно, как будто бы он их ждал и сейчас вышел встречать. Мужчина подошел поближе и громко поприветствовав, поздравил с Рождеством Христовым.

— А храм работает? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Проходите. Я вижу, вы путешествуете.

Она прошла вперед и попала вглубь небольшой арки, ведущей в церковный дворик, затем увидела огромную деревянную дверь и, открыв ее, очутилась в уютной церкви, вдохнув с порога запах ладана и церковной тишины. И какая же это особенная тишина и покой, способная на некоторое время унести человека далеко-далеко от дома, от мира, забот и переживаний. Здесь нет ничего и никого. Она заказала сорокоусты о здравии и упокоении всем родственникам и долго-долго стояла у иконы Спасителя... Молилась молча, искренне и горячо, и вскоре уже казалось, что остановилось ее сердце, лишь потоки воска, как чистые слезы Девы Марии, текли и текли, сливаясь с божеством рождественского дня. В эти минуты она будто бы находилась в каком-то несколько странном оцепенении, и очнулась только у выхода, сделав памятное фото на фоне храма.

— Спасибо тебе, Господи, за такой прием и такой рождественский подарок! — сказала про себя.

А дорога продолжалась. Бармен придорожного кафе подсказал, как проехать на Опошню. Узнав дорогу, по пути они остановились еще у церкви Святого Николая, уникального архитектурного строения, напоминающего огромный цилиндр, в который входит еще один цилиндр потрясающего по величине купола. Путь к церкви проходил по аллее, с обеих сторон обрамленной молодыми березками.

Вот по этому коридору она и добралась ко входу. Здесь, к удивлению, ее тоже встретил настоятель церкви, который почему-то находился за прилавком церковной лавки и сам продавал свечи.

«Наверное, работников не хватает», — подумала она, и тут же обратилась к нему с вопросом:

— У вас можно купить просвирку?

— Да, — ответил он, но не словом, а каким-то сиянием из своего естества, от которого у нее все потеплело и замлело внутри.

— Только просвирку не во что завернуть, — сказал он.

— Оставьте. Как буду уходить — заберу сама, — ответила она, подходя к иконам, останавливаясь перед образами святых в сопровождении загадочного потрескивания огонька свечи в моей руке, обволакивающей с головы до ног тишины и ощущения таинства.

Она подошла к иконе Николая Чудотворца и поклонилась ему. О чем просить?..

Мысли прервал тот же священник с ясным взглядом и чистыми, как рождественский восход глазами.

— Возьмите, — он протянул ей две просфоры в целлофановом кулечке.

— Спасибо, — ответила она.

Ей казалось, что это «спасибо» длилось вечность. Откуда этот человек? Какова его судьба? Она всегда с большим вниманием всматривалась в лица служителей церкви. Еще будучи в Киево-Печерской лавре, не могла оторваться от их одухотворенных лиц.

Она не помнит, сколько еще находилась в этой церкви, молясь про себя и несколько раз перечитывая распечатанную и помещенную на деревянный штатив молитву Оптинских старцев. А когда вышла на улицу, то опустилась на деревянную скамейку, которая стояла неподалеку у края вымощенной камнем аллеи и закрыла глаза.

Вспомнила, что в этой круглой по своему архитектурному строению церкви Святого Николая был снят фильм «Вий», где Наталья Варлей играла роль панночки, летающей в раскрывшемся гробу по периметру церкви, возбуждая присутствие и без того агрессивных вурдалаков, которые впоследствии все же дотянулись своими костлявыми руками до читавшего молитвы молодого семинариста, несмотря на очерченный им круг на полу вокруг себя...

Путешествие продолжалось, они надеялись побыстрее добраться до Опошны. Впереди замелькали дома какого-то селения. Остановились у проходившей мимо женщины — розовощекой, крупной, одетой в простую одежду, и спросили, как проехать к Опошне.

— Повернете наліво, потім поїдете прямо, там буде ринок, потім знову прямо.

Так они и сделали. Но как только автомобиль повернул влево, Сашка вдруг взволнованно сказал:

— Смотрите, кого-то хоронят.

И зачем только он об этом сказал? Но деваться некуда, они поехали навстречу похоронной процессии и остановились на обочине, как это принято делать в небольших селениях. Она невольно посмотрела вперед, едва различая силуэты людей,

ее зрение совсем испортилось из-за постоянной работы, связанной с компьютером, но по мере приближения она увидела похоронные венки, и тут же, отвела взгляд в сторону, чтобы не видеть гроб и покойника. Странно, не успела она отойти от посещения святых мест, как встретила на своем пути гроб с покойником. Господи! Что за наваждение! Неужели невидимая рука гоголевских персонажей и самого Гоголя до сих пор выводит буквы на полотне гоголевской Диканьки. Нет, она не желает впускать в себя этот траур, увиденный пусть даже со стороны, а особенно после рождающейся в душе тихой умиротворенности, которая бывает при посещении храмов. Но мысли уже побежали по ее сознанию, как бы ища пристанища, убегая от негатива и сопоставляя белое и черное, радость и боль, находку и потерю... Да! Это жизнь! И все в ней рядом, и все смертны. Но она все еще там, в этом доме Божьем, в этой оставленной так недавно за небольшой посадкой деревьев церкви, где продолжает витать ее молитва о главном — о живущих и усопших, но тоже живущих.

Вот и знаменитый Опошнянский базар. Они подъехали к небольшому крытому рынку, расположенному почти на обочине дороги, где

в несколько рядов располагались прилавки с глиняными расписными в национальном украинском стиле макитрами, кувшинами, разноцветными мисками и статуэтками, небольшими сувенирными лошадками — символом наступившего года голубой лошади.

Что за чудо этот базар! Какие краски украинского колорита, какое вдохновение заложено в атмосфере почти стихийного опошнянского рынка керамической посуды, сделанной руками украинцев в домашних условиях, потому что завод уже давно закрыли и растащили. Но дело этого уникального гончарного искусства продолжено народом. Да, народом бесконечно талантливой Украины. Почти в каждом дворе Диканьки стоит печь, где люди обжигают эти неповторимые шедевры.

Она остановилась возле прилавка, заполненного всякими изделиями, как бы поближе знакомясь, внимательно вглядывается в каждый выведенный вручную цветочек, в неповторимость орнаментов и цветовой гаммы. В тот момент она бы скупила весь рынок. Настолько близки к ее восприятию эти черепки, уникальные и неповторимые. Углубившись в территорию рынка, она заметила кувшины в виде пузатых овощей.

«Да, именно они! Какие красивые. Покупаю все. Себе и своим друзьям. Вот обрадуются».

Опошнянский рынок — это островок народного творчества. Все эти изделия не имеют цены, потому что они изготовлены из живой глины, они дышат и продолжают жить, пока будут держаться в памяти эти уникальные люди, как любимца всеми Солоха, которая, возможно, ходит здесь же по торговым рядам, рассматривая украшенные народными умельцами глечики. Да вот же она стоит за прилавком, щедро улыбаясь нахлынувшим с дороги покупателям...

А может быть, где-то здесь неподалеку, вон в той окруженной вишнёвым садком хатке, она хлопочет, бегая от стола, уставленного всякой снедью, до печи во всей своей пышногрудой украинской красе, в предвкушении рождественских свиданий со своими «різноликими чоловіками». Или лукаво жеманничает с самим чертом, игриво отвечая на його «залицяння», а после настойчивого стука в двери, она прячет его в мешок вместе с похищенным месяцем, а вот и сам голова пожаловал, раскатав по обе стороны свои длинные усы... И он отправился в мешок. За ним стучится дьякон, потом ее любимец козак Чуб... Вот это мешки! Настоящие чувалы с наколядованными гостинцами!

Да и не в мешках вовсе дело, а в запредельной субстанции, куда отправляются все грешники, прячась от своих же, чуждых приличиям и нравам, деяний?..

Набегавшись по рынку, сфотографировавшись на фоне вернисажа воистину народного творчества, она, одушевленная и довольная, как большой ребенок, возвратилась к машине, понимая, что солнце уже высоко и скоро скатится к земле, потому что январский день, как первая любовь, быстро и неожиданно гаснет, а они еще не знают, где останутся на ночлег. Вспомнила, что где-то недалеко от Опошни, в селе Прони, находится кафе, где она уже однажды побывала со своими друзьями и где стилизованная скульптура Солохи приглашает всех отведать знаменитые полтавские галушки. Именно это кафе она посетила, возвращаясь в Диканьку, оно напоминает казачье подворье с телегами и аистами на копнах соломы, собакой у входа, разряженной елкой на дальнем дворе, а главное, портретом Гоголя, обрамленным в вышитые гладью рушники.

Внутри кафе все напоминало о продолжающемся празднике Рождества.

Разукрашенная елка, цветы на подоконниках, живая музыка. Обед вспоминается до сих пор. Стол

ломился от множества блюд, вкус которых повторить в Харькове невозможно. Самое главное, она попробовала знаменитые полтавские вареники, приготовленные на пару, величиной с её далеко не маленький кулак, которые дышали живым тестом и любовью тех, кто их готовил. Нет, она не объелась... Это даже не так. Впервые в жизни она ощутила тяжесть в ногах не от чрезмерно выпитого узвара, избытка еды, затянувшейся по времени поездки, нет, от удовольствия, которое испытывают странники, и от свободы, свободы, свободы... Здесь были и одетые в национальные одежды официанты в вышиванках, и парубки-казаки, катающие посетителей кафе на лошадях, и приехавшие отдохнуть местные жители, от которых исходил какой-то особенный дух уверенности в том, что они знают, для чего живут и абсолютно далеки от размышлений о смерти.

Еще долго она наслаждалась бы обстановкой, в которую попала с дороги, не зная еще несколько часов назад, в каком направлении они едут.

Но солнце слепило глаза, а в Харькове в это время висели густые тучи и шел дождь. Распрощавшись с изумительным национальным кафе и его атрибутами, они отправились дальше.

В машине она молчала, расслабившись от щедрых впечатлений, ничего не хотелось, кроме тишины и внутреннего уединения.

— Куда едем? — Сашка важно положил руки на руль.

— А куда! — довольно ответила она. — Просто едем. Где понравится, там и остановимся.

— Может быть, в глушь или как ее там называют? — уточнил невозмутимый Сашка.

— Глухомань, — наконец вспомнила название она. Ну и названьице...

Преодолев несколько километров, они вернулись назад под мост. Повернули вправо и оказались на узкой проселочной дороге, приведшей к большой железной арке с надписью большими буквами наверху — ГЛУХОМАНЬ. Проехали вглубь территории базы отдыха, сообщили охраннику о своем намерении остановиться здесь на время, после чего он посоветовал пройти в ресторан к администратору, который занимается вопросами расселения туристов в гостинице. Неужели и здесь Гоголь вмешался? Разместились очень быстро. Сашка стал помогать накрывать на стол, она зажгла свечи, захваченные с собой по случаю Рождества. В наступающих сумерках

столько тайны. Везде горят огни, все мелькает и сияет, а в маленьких окошечках, как в хатках «Вечеров...», синеют глаза наступающей ночи. Как все сказочно и загадочно!

Несмотря на то, что она в прямом и переносном смысле перебрала с едой в кафе под названием «У Солохи», они с водителем под включенный телевизор уселись за стол и продолжили трапезу харьковского туриста на месте встретившегося на их пути ночлега...

Её домик, окруженный ниспадающими еловыми ветвями и звенящим от чистоты запахом леса, был возведен из деревянных бревен и состоял из двух комнат со всеми удобствами, но главное, с запахом дерева.

— Вовсе это и не глухомань, правда, Ольга Богдановна? Здесь так классно, и меня тоже поселили в отдельный деревянный домик. Какой же здесь воздух! — восхищался Сашка.

И опять совпадение. Несколько лет назад она уже останавливалась именно в этом доме с друзьями. Тогда у нее был день рождения, и они тоже уехали из Харькова, куда глаза глядят в поисках новизны и ощущений.

Но, самое загадочное произошло наступившей ночью. Она долго не могла уснуть на огромной

деревянной кровати, однако усталость взяла своё... И закружился передо нею летний день со звенящими криками птиц, шепотным урчанием реки Псел, растянувшей свои глубокие воды почти по всей Украине, с неповторимым скрипом старинной мельницы..... А вот и «проклятое» место из ярмарки, отведенное заседателем под посевы, скачущие по волнам разросшихся тополей знаменитые вареники, и загадочная «красная свитка», повисшая на теперь уже кованых железных заборах, ограждающих дома современных и уже немножко других украинцев. Кошмар какой-то...

Сейчас ей не хотелось видеть никаких снов. Ан нет, если не сон, так что-то еще... Во сне она вдруг ощутила, что что-то пробежало по её макушке, после чего она мгновенно проснулась, провела рукой по тому месту и так же мгновенно уснула.

А наутро они с Сашкой после завтрака отправились на прогулку, где их ожидала встреча с настоящим мини-зоопарком, расположенным здесь же на территории туристического комплекса, где она любовалась чёрными поросятами, маленьким пони, голубями, живущими в специальном домике, кормила сеном лошадей... Она была так

воодушевлена, что не замечала времени, и совсем не спешила возвращаться в Харьков.

Здесь же, на территории базы находилась каменная стела с выгравированной надписью о том, что именно на этом месте шведский король Карл XII получил смертельное ранение во время Полтавской битвы 1709 года, а рядом размещены отрывки из поэмы «Полтава» Пушкина. С ума сойти! Здесь, на этом месте, проходило Полтавское сражение, навсегда вошедшее в историю великой победой и закрепленное суровой печатью победы Петра Первого. Она невольно вспоминает отрывок из поэмы и мысленно бежит по давно забытым строкам:

*Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины*

*Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны....*

*Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.*

*Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал...*

Когда ехали назад, то попали уже в третью церковь имени святого Георгия Победоносца. Да, такое чудо архитектуры она видела впервые. Кирпичная постройка и реставрация 19 века, возвышающаяся над одноэтажными домиками поселка Нижние Млины, а ранее, до революции, здесь возвышались два храма. Каким-то загадочным притяжением обладает церковная обстановка, потому что возвращаться назад ей так не хотелось.

Здесь как будто слились воедино и образа святых на иконах, и праздничные украшения на стенах и потолке, и елочная мишура убранной по старинке и поставленной в храме елки, как-то особенно дрожащей в стенах храма Божьего. Вот оно, истинное счастье. Невольно погрузившись

в размышления, она вспомнила свои поспешные сборы перед поездкой и подумала: «Неужели несколько дней в пути так повлияли на её мироощущение и даже на в какой-то степени внутренне очищение?»

Да, именно очищение, потому что сейчас она не чувствует той тяжести, которая ежедневно преследует её, заставляя отбиваться от нее жестами, движениями головы, втягиванием в себя живота, поднятием рук вверх. Постоянно что-то мешает, если не болит. А может быть, — это накопившиеся грехи, отпущенные ей церковью и Богом именно сейчас.

Да что она вообще знает о себе и о мире, в котором живет? И стоит ли знать?..

В машине тепло, уютно от голоса Тины Кароль, доносящегося из разбросанных по салону колонок. Все сложилось, как никогда, удачно и содержательно. Они едут в Харьков, прощай, «Глухомань»!.. Сидящий рядом Сашка, вдруг сказал:

— А ночью кто-то пробежал по моему лицу, что это было? — и показал рукой, проведя наискосок условную линию.

Она изумленно посмотрела на него и открыла свою тайну, которую держала в себе. Они оба на время замолчали.

— Это мышь! — сказал Сашка, хитро улыбаясь.

— А может, домовый? — поддержала она шутку.

И снова монотонность дороги и шорох колес, под который она ушла в сладкую дремоту, сквозь которую начали проступать заливные луга из «Майской ночи...», озера, по берегам которых водят хороводы русалки, завлекая парубка Левка в свое холодное водное царство, туда, к его Ганне... Картинки сменяют одна другую, переворачивая мельничными лопастями небо и землю... Вот ведьма, игравшая в карты с дедом, из «Пропавшей грамоты», вот и есаул Горобець, бросивший вызов колдуну из «Страшной мести» и пан Данило со своей молодой женой Катериной из хутора, что застрял между двумя горами и узкой долиной, сбегаящей к Днепру., который удивительно «чуден при тихой погоде»...

Сонно открывает глаза, и видит, как по вечернему небу плывут блуждающие облака, растекаясь и соединяясь воедино, образуя воздушную фигуру непревзойденного мастера слова, украинского Гоголя, который удивил весь мир и до сих пор продолжает удивлять своим нераскодированным зазеркальем, умением увидеть во многом одно и так раскрыть образ, что «кури на подвір'ї... розлетяться».

Мысленно проводит параллель между эпохами веков и встречает там тех же Вакул и Солох, только одетых в другие одежды, но глаза... Куда же деть блеск полтавских взглядов по-украински радушно и со вкусом встречающих своих гостей, которые едут и едут на тех же лошадях, но, теперь уже, заправленных бензином джипах, навстречу с грядущими поколениями украинской загадочности и необъяснимости.

Под вечер они были в Харькове. Впечатления захлестывали, она благодарила Сашку за состоявшееся путешествие в Рождество, которое их обоих сделало всего лишь на одну звезду во Вселенной счастливее и увереннее в себе, путешествие, не обошедшее без совпадений и мистики.

Сегодня понедельник, она на работе, но мысли настойчиво возвращают её туда, в незабываемую поездку по Полтавщине. И от этих воспоминаний у неё появилось желание лететь далеко-далеко на гоголевской птице-тройке, на тройке классика мировой литературы с полтавскими корнями, который до сих пор также пребывает среди людей...

Не исчезая никогда.

Как же ей хотелось побродить по рождественским сугробам Диканьки вместе с козаками Чубом и Панасом, посмотретья в зеркало, перед которым чепурится все та же дочь головы — Оксана, прокатиться по звездному небу на метле, словно Булгаковская Маргарита, с самой великолепной Солохой, которая и двести лет спустя не перестает восхищать своей чарующей самобытностью

Она ощущала их присутствие, слышала их наречие... Что это? Идущие рядом миры? Нет, это он подарил им бессмертие своим воистину неземным талантом...

«Да простит меня великий Гоголь за такое вторжение в его гениальность, удивлять и странствовать его душе вечно...» — подумала она, открывая новый календарь с изображением украинских зимних пейзажей...

ВИЗИТКА

«Странная моя подруга Маруся, вечно ноет, что она толстая, что надо срочно похудеть, а сама из кондитерского отдела не вылезает, сладости всякие покупает»... — размышляла Юля, примеряя у зеркала свое новое платье. Да и ей надо несколько килограммов сбросить, вот тогда Тёмка из соседнего офиса, точно на неё клюнет.

Она крутилась перед зеркалом, как птичка на весенней ветке, боясь наступить на разбухшую почку сирени. И так, и так, выставляя по очереди свои ножки — одну за другой вперед, словно начинающая балерина перед дебютом.

«Надо что-то изменить в себе, возможно, губы подкачать, — думала она. — А вдруг меня такой не узнают, нет, здесь нельзя перебарщивать, надо изменить себя незаметно, но с бросающимся в глаза эффектом». — Она достала из шкафа свои новые туфли осторожно надела, чтобы не повредить лак, только что сделанного педикюра, поднялась в них на цыпочки, как в пуантах, и заскакала по комнате, словно убегая от кого-то, все время, поглядывая на свое отражение. — Нет,

я не буду надевать на себя это старомодное платье, лучше джинсы, рваные на коленках. Вот это будет эффект!»

Юля подбежала к окну — там неподвижно стояли припаркованные у подъезда автомобили, и о чем-то беседовали две пожилые женщины, сидя на скамейке. Потом она вновь вернулась к зеркалу, показала ему гримасу, мельком посмотрела на абажур, висящий над кроватью, и стрелой помчалась в ванную.

«Вечно я добегаюсь до последнего, а потом опаздываю на работу» — думала она, спешно принимая душ, как бы смывая с себя все то, о чем перед этим рассуждала.

Через полчаса она уже стояла на остановке маршрутного такси, переминаясь с одной ноги на другую. Холодно, а она еще не снимала с себя осеннюю куртку, уж очень она ей нравится, просто песня, а не куртка.

В маршрутке Юля забилась в угол, чтобы не мешать никому, и закрыла уши наушниками.

«Лучше буду слушать музыку, чем эти постоянные утренние перепалки пассажиров, толкания, наступания на ноги», — думала она под шуршащие звука «Океана Эльзы».

— Як же так... Як же так... — пел певец.

«Да, как же так получилось, что я страдаю за этим Тёмкой, а он не обращает на меня никакого внимания...»

А вот и остановка. Толпа попутчиков торжественно вынесла Юлю на тротуар, да так, что она еле удержалась рукой за ручку. Потом она побежала по скользкой, как будто бы специально залитой водой, дорожке по направлению к институту. Открыла массивную металлопластиковую дверь и очутилась в просторном холле, заполненном студентами. Еще несколько минут и ее ноги автоматически отсчитывали ступеньку за ступенькой, затем — по коридору, а вот и офис, где она работает корректором.

— Доброе утро, доброе утро... — тараторила она всем находившимся там. — Как настроение? Что нового в стране?

...Судя по взглядам и искусственным улыбкам, она сразу же поняла, что настроение у коллег не очень хорошее, а последние новости вообще отвратительные. Но долго думать не пришлось, потому что резко открылась дверь, нет, она просто распахнулась, как после удара ногой, и в офис вошёл, если это можно так сказать, нет, вбежал их шеф — Дмитрий Львович Гири́н, мужчина лет

сорока, не женат несколько полноват, но удивительно подтянут, с невероятно пронизательным взглядом и искромётной реакцией на предмет общения с подчиненными. Видимо поэтому его тайно называли в коллективе Львовичем, а его образ всегда вызывал у нее несколько смешанное чувство. То похвалит ни за что, то выругает при всех. Но зато его внешность всегда подкупала, потому, что некая противоречивость его характера, и даже какая-то несобранность компенсировалась его импозантностью, умением одеваться, красиво говорить.

— Доброе утро, коллеги, — начал он. — Мы проведем просто здесь пятиминутку, есть вопросы, не требующие отлагательства. Речь пойдет об отпусках. Да, именно об этом, потому что некоторые наши сотрудники не придерживаются графика и идут в отпуск, когда им вздумается. — При этом, он подчеркнуто посмотрел на Юлю и продолжил: — А некоторые в отпусках, то есть в период отпуска болеют, продлевая отпуск на время болезни. Так что прошу принять это к сведению и придерживаться производственной дисциплины. А также не болеть, именно не болеть, как это зачастую случается с Черкашиной Юлей. Да? Юлия Борисовна?

— Что? — вспыхнула Юля, — я что, в коллективе самая крайняя? Да я болела всего один раз и то, в прошлом году, но я же не виновата, что тогда была эпидемия гриппа.

— Свиного, — кто-то уточнил из присутствующих.

— Да, свиного, — продолжила Юля. — Из-за него, этого гриппа, у меня сорвалась поездка на Бали.

— Меня это не интересует, — недовольно выпалил шеф, — если желаешь работать в коллективе, не выпадай из общей обоймы, поняла?

— Нет, не поняла, — отпарировала Юля, — вернее, я поняла, что Вы, извините, Дмитрий Львович, совсем несправедливы ко мне, постоянно придираетесь. Да если бы не было отпуска, вы бы все равно умудрились бы найти во мне какой-либо изъян. Не пойму, почему, что я вам сделала? — При этом она неожиданно расплакалась и выбежала из офиса.

«Уволюсь, уволюсь, сейчас же напишу заявление, не могу больше, что ему от меня надо? Вот, Марина никогда не приходит вовремя на работу, в отчетах допускает ошибки, и ей хоть бы что. А я один раз заболела и стала камнем преткновения. Пусть придирается к другим, а с меня достаточно...»

Так она стояла с сигаретой, периодически затягиваясь едким дымом, как лекарством, от недоброжелательности и несправедливости руководства, да и некоторых сотрудников, которым ежедневно окрывает свою душу, а они?.. В ее размазанных тушью глазах было столько обиды и отчаяния, что они казались тонущими в этой перемешанной черной тушью и теплыми слезами печалью, искаженного смешной гримасой ее лица, еще недавно сияющего от беззаботных мечтаний и...

И вдруг кто-то подошел сзади взял ее за плечо. Она резко повернулась и застыла от удивления. Перед нею стоял Темка — архитектор из соседнего офиса. Её одноклассник. Как-то на совместном корпоративе они танцевали, потом вместе удалялись подышать воздухом... Одним словом, что-то вспыхнуло, как ей казалось тогда между ними. Но впоследствии он никакой инициативы не проявлял, но червоточина недоговоренности, незаконченности какой-то осталась.

— А что ты тут делаешь? — спросил он.

— Не знаю, — не сориентировавшись, ответила она.

— Ты плакала? Что случилось?

— Ничего, все пройдет, — шмыгая носом, тихо ответила она.

«Зачем он появился именно сейчас и видел меня зареванную? Вот это да. Хотела сразить его своим преображением, а предстала перед ним, страшнее не бывает, чучело какое-то. Все, провалилась моя мечта. Если он раньше на меня почти не обращал никакого внимания, то теперь шансов нет, разве что из-за вежливости поздоровается».

Она достала из косметички влажную салфетку, вытерла круги под глазами и, поправив юбку, направилась к своему рабочему месту.

Но перед самым ее носом открылась дверь, и она чуть ли не столкнулась с шефом.

— А, это вы? Зайдите ко мне, пожалуйста, — почти закричал он, обращаясь к ней, — Сейчас же..! Немедленно!

Она молча уступила ему дорогу и медленно оправилась к своему столу. Последующее время казалось вечностью. Компьютер постоянно зависал, да в придачу ко всему, сильно разболелась голова.

Но после окончания рабочего дня она не спешила идти домой, а решила заняться шопингом, именно это лекарство неоднократно спасало ее от нахлынувших обид и разочарований. Она

вызвала такси и оправилась в бутик, чтобы посмотреть новые коллекции норковых изделий, потому что давно лелеяла мечту приобрести норковый пиджак с укороченными рукавами и с капюшоном, одним словом а-ля шестидесятые годы. Примерка проходила несколько часов. То шубка было чрезмерно короткой, то излишне длинной, то... Намерялась до упаду. Даже от чая, предложенного продавцом, отказалась.

«Все, я точно решила, надо собрать деньги и купить норковый пиджачок, — размышляла она по пути домой, но вдруг в ее настроении что-то резко изменилось. — Ой, я же не пошла к нему на ковер, теперь я точно пропала, он такого не прощает. Ну и черт с ним, подумаешь, начальник великий... Я завтра отнесу заявление в кадры. Вот только Тёмку жалко, не судьба видно нам с ним...»

Минули дни, недели, месяцы... Юлия нашла себе другую работу, с большей зарплатой и более лояльным офисным окружением. Она так и не купила платье, в котором так хотела понравиться Темке, но зато в ее жизни произошли такие перемены, что, как говорят, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как-то она задержалась на одной из вечеринок, и поздно возвращалась домой, где ее ждала

ее маленькая, уютная квартирка с горшочком фиалок на кухне, компьютером, но самое главное, с роскошным напольным зеркалом, перед которым проходит ее еще не совсем созревшая и порожи-стая жизнь.

В такси она расположилась на заднем сидении, не любит место рядом с водителем, и от удивления оторопела. Рядом сидел мужчина в очках, бережно держа в руках европейский букетик роз бело-молочного цвета.

— А почему вы не предупредили, что я буду ехать не одна? — почти закричала она водителю, после чего открыла дверь и пыталась выйти.

— Не бойтесь, — вдруг заговорил мужчина. — Я не сделаю вам ничего плохого, мы же знакомы, я — ваш бывший начальник.

— Что? — обернулась она, — это вы? Как вы попали в мое такси?

— Это не я, а вы ко мне. Извините за причиненные вам неудобства, я выйду на следующей остановке.

После этих слов Юлька почти успокоилась, и захлопнула за собой дверцу такси.

— Поехали, — скомандовал шеф водителю. Она молчала, он тоже. Эти несколько минут совместного проезда для Юли казались вечностью.

— Вот здесь, — спокойно сказал он, — возле этого двухэтажного дома, я уже приехал. А вам, — обратился он к Юле, счастливого пути. Возьмите розы и простите меня за то совещание, видит Бог — я не хотел.

— Нет, уберите цветы, они не для меня! Не стоит.

— Возьмите-возьмите и еще раз простите меня, — он вышел, положил розы на сидение и одновременно поправил очки.

— Да, чуть не забыл, я тоже ушел с той работы, если вам будет интересно, возьмите визитку. До свидания.

Двери такси так хлопнули, что вернули к ней воспоминания о прежней работе.

«Да и не так уж плохо было там, а он — узнать невозможно, и еще цветы...»

Так под шепот нахлынувших воспоминаний она унеслась в прошлое, как уносится ветер от уже проверенных им мест.

«Странная встреча, зачем она? И он какой-то не такой. Совсем другой человек, а не тот, который ее так обидел», — думала она. Расплатившись с водителем, она перед выходом из такси оглянулась на цветы и рядом лежащую визитку.

«Возьму, нет, не надо, зачем?.. он же... Нет, пожалуйста, возьму, не оставлять же их водителю. Он же ей подарил их, хотя при странных обстоятельствах».

Дома она поставила цветы в вазу, пусть продолжают жить, а сама оправилась в ванную комнату. Лёжа в теплой ароматной воде, она сдувала пористую пену с ладоней, как бы отбиваясь от беспорядочных мыслей, в которых было так много его, Львовича, что она через некоторое время даже привстала. Непонятность его поведения совсем обескуражила ее и без того растянутое во все стороны настроение. Она, как заблудившаяся в густом лесу лань, металась между деревьями и зарослями колючего терна, который раздирал в кровь ее тело, цеплялся за волосы, удерживая движение. Больно... Как же больно от такой несправедливости, и ещё больнее от непонятности и нелепости случившегося.

Лето пронеслось незаметно. Уже первые скрученные листочки начали срывать с перегретых солнцем веток деревьев и опускаться, как желтые бабочки, на капоты автомобилей, плечи прохожих, как бы предупреждая о начинающейся осени...

Юля после работы зашла в киоск, чтобы купить кефир, при расчете открыла кошелек и наткнулась на визитку ее бывшего шефа.

«Генеральный директор... И зачем он мне? То же еще, небось, выгоняет с работы одну за другой. С ней же он именно так тогда поступил, довёл до истерики и, на самом деле, подтолкнул к увольнению», — подумала она, бросив визитку в урну для мусора.

В выходной день Юля достала из шкафа все осенние вещи, оценила свой гардероб, который порядком отстал от идущих брендов моды.

«Сначала я куплю себе новый зонт, нет, лучше плащ с поясом, а к нему — высокие сапоги и очки. А зачем очки? Ведь уже почти осень на дворе. Она устало опустила на ковер и поджала под себя ноги... И вдруг проскользнула мысль: «Зачем я ее выбросила? А если он серьезный человек и не такой, каким я его представляю, может быть он совсем не такой, и даже очень не такой», — вторили струйки начавшегося дождя, стекающие по стеклам закрытого окна.

— Ну и что теперь? Уборщица утром выбросит мусор, и прощай визитка генерального директора... Львовича.

Рано утром она уже была в офисе. Спешила извлечь визитку из мусорной корзины. Если бы кто-то видел ее в этот момент, то точно бы подумал, что с нею что-то не того... Её руки барахтались

в груди изорванных и смятых бумаг, как лопасти снегоочистительной машины, но визитки не было. Тогда она высыпала мусор на пол и продолжала рыться в этом миксе, как кошка в траве.

«Где же она? Она же точно вчера бросила ее сюда!!! От понимания того, что визитки нет, она беспомощно опустилась на стул и машинально посмотрела вниз, но сразу же резко вскочила, как уколотая зонтиком в общественном транспорте. Просто перед нею под столом лежала его визитка, после чего она быстрым движением наклонилась и подняла с пола этот маленький ламинированный бумажный прямоугольничек.

«Вот она, вот она...» — вертелось в ее голове, позвоню просто сейчас... нет, вечером».

— Алло, — произнесла она несмело.

— Да, я вас слушаю, Юля, — ответил он.

«Откуда он узнал, что это я ему звоню? О чем с ним говорить?» — замешкалась она.

— Да, да, я вас слушаю, — вторила обратная связь, как что-то инородное и вместе с тем непонятное и непредсказуемое. Но она молчала.

— Спасибо, что позвонили, где вы сейчас? Чем занимаетесь?

Но она продолжала молчать, она по-прежнему боялась его, своего бывшего руководителя, не решаясь заговорить.

— Почему вы молчите? Давайте я вам перезвоню.

Связь прекратилась, лишь тревожность, смешанная с еще теплыми звуками его голоса, коснулась самых потаённых уголков ее по-прежнему ранимой души, звуками оборвавшейся связи с ним.

Она машинально бросила телефон на кровать, но в этот момент раздался звонок.

— Это я, ваш новый — старый друг. Понимаю, что по телефону неудобно, но я бы хотел с вами увидеться.

— Зачем? — вдруг вырвалось у неё, — что вам еще нужно?

— Ничего, только вы и ваш голос, завтра в девятнадцать. Идет?

— Не знаю, — осторожно ответила она.

— Значит, в девятнадцать, я буду ждать вас после работы.

«И он знает, где я работаю? Следит за мной? Это уже интересно. Сначала с работы выгоняет, потом розы дарит, потом свидание назначает, каламбур какой-то. Да он же самый настоящий маньяк, не хочу с ним больше видеться, странный он...»

На следующий день наша героиня не спешила уходить с работы, после вчерашнего

общения у нее появилось двоякое чувство любопытства и предосторожности. Но подсказывало третье — надо, все же, увидеться и до конца объяснить, все же, начальник бывший...

Она подошла к нему незаметно, прижав к груди свою замшевую сумочку. И смущенно произнесла:

— Добрый вечер, давно ожидаете? Извините, работа.

— При мне вы так не задерживались, — усмехнулся он и добавил, — значит, не любили дело, которым занимались.

— Нет, я любила, но у меня не совсем получалось...

— А знаете почему? — спокойно продолжил он, и сам же ответил: — Не хотели со мной видеться. Угадал?

— Нет, это совсем не так, просто такой момент у меня был, — взволнованно ответила она.

После этого он взял ее за локоть и тихо произнес:

— Юлечка, дорогая, я ведь из-за вас ушел с той работы. Не буду сейчас подробно объяснять, но тогда вы меня конкретно зацепили своим уходом, а главное, тем, что проигнорировали

мое приглашение в мой кабинет. Ушли от объяснений. До сих пор не пойму, почему вы так со мной поступили?

— Вы назначили мне встречу, чтобы вернуться к вопросу моего отпуска, продолжить беседу о моем уже давно состоявшемся увольнении? — нахмурившись, обиженно перехватила его монолог она.

— Что вы, конечно нет, — с улыбкой произнес он, как это делают уверенные в себе мужчины, и продолжил: — Куда пойдём?

От этих слов у Юли наступил стопор.

— Не знаю, я не знаю ничего, — почти шептала Юля, краснея от волнения.

— Тогда я приглашаю вас в поездку на Бали, у меня отпуск в октябре. А у вас?

— Что вы сказали? На Бали? Вы? Меня? На Бали? Нет, это мне снится, — смягчилась Юля, поправляя свои немного вьющиеся каштановые волосы. Она приблизилась к нему и встретилась с его невероятно пронизательным взглядом.

— Вы что, маг?.. Я же мечтала побывать там еще в прошлом году, но из-за вас не смогла.

— Ну вот, видите. Должны же когда-нибудь сбываться ваши мечты, — добавил он уже посветлевшим тоном.

— Так что? Едем?

— А как же моя работа? — затараторила она.

— Какая работа? Вы там уже не работаете. Приходите завтра ко мне, вам понравится, все ваши «болезни» как рукой снимет.

— Опять о болезнях? Что вы все о моих болезнях вспоминаете.

— Разве? Это же шутка, — рассмеялся он. — Так что? Завтра у меня?

— Где у вас?

— В визитке все указано. Только не опаздывайте.

После этих слов он пожал ей руку, как настоящий джентльмен, и направился к своему автомобилю.

Она стояла совершенно обескураженная, прижимая по-прежнему к себе свою истертую замшевую сумочку.

«Что это было? Пригласил в поездку, а сам... И зачем только я согласилась?..»

Домой она добиралась пешком, надо же было развешаться от такого.

Но самое интересное было впереди. Она не пошла к нему на его новую работу, а он не позвонил ей ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц потом. А она продолжала ждать, потому что такого

обрыва связи у нее еще никогда не было, а его молчание не давало покоя, подбрасывая всё новые и новые щепки в уже зажженный камин надежды.

Вначале зимы человек перестраивается как внутренне, так и внешне. И дело здесь не только в смене одежды на более утепленную. Необъяснимо загадочное состояние этого перехода уже порождает множество вопросов и естественное желание получения ожидаемых ответов. Но наша жизнь, как прогноз погоды по Одесскому радио, который звучит примерно так: «Будет малооблачно, с прояснением, осадков не предвидится, но все может быть...»

Юля уже почти смирилась со своим положением, даже вышивать крестиком начала по купленным трафаретам, но всё равно где-то в глубине ее памяти что-то возьмет, да и кольнет...

«И где он взялся на мою голову? Почему молчит и мешает нормально жить? — размышляла про себя Юля».

В этот момент в квартиру позвонили.

— Кого там еще принесло, соседка, наверное, вечно что-то просит, что на сей раз? — ворчала Юля, направившись к двери.

На пороге стоял он. Похудевший, подтянутый, с каким-то свертком.

— Как вы узнали, где я живу? Вот неожиданность, — залепетала Юля.

— Не надо лишних слов, Юля, я пришел, чтобы сделать вам предложение. Вы выйдете за меня?

При этом, он прямо на пороге развернул сверток, раскрыл велюровую коробочку и достал кольцо.

— Как это? Мы даже не встречались с вами! Вы с ума сошли! — растерянно восприняла предложение Юля. — И вообще, хватит надо мной прикалываться! Уходите!

— Подождите, не делайте таких выводов. Станьте моей женой!!!

Новый год! Как много суеты и приятных волнений, связанных с этим праздником. Повсюду стоят украшенные разноцветными игрушками елки, суета и предпраздничные заботы. Горожане зажигают свечи на праздничных столах. И каждый Новый год всегда интереснее и ярче предыдущего.

По-новому все сложилось и у нашей Юли. Она все же дала согласие своему... и бракосочетание назначено на сегодня — 31.12.2013. Юля была изумительна в свадебном платье, а он уже

подъехал к ее дому, чтобы забрать свою птичку и увезти в ЗАГС, а затем на Бали, как и обещал. Но все пошло не совсем так. Подъехав к дому невесты, он вышел из «мерседеса» и побежал наверх, но нога подвернулась, хрустнула и онемела.

«Вот и приехали», — в отчаянии подумал он. — На лестнице никого, все ждут внизу, она ждет его в квартире».

— Юля, Юля!!! — кричал он, преодолевая боль. Но невеста его не слышала, стоя перед тем же напольным зеркалом, всматриваясь в свое лицо, как бы ища изъяны, которые сейчас необходимо завуалировать, скрыть от неординарного, но вместе с тем умного жениха...

А в это время открылась дверь в соседней квартире, вышел мальчик, держащий на руках маленькую собачку.

— Мальчик, — обратился он, сидя на стульчике и корчась от боли. — Как тебя зовут? Позови, пожалуйста, мою Юлю...

— Какую Юлю? — переспросил удивленный ребенок.

— Юлю с третьего этажа, — медленно повторил он, куда-то проваливаясь.

Свадьба все же состоялась, несмотря на временно возникшие трудности. Юля была прекрасна,

он тоже ничего. Только в гипсе. Да и любимая подруга Маруся была неотразимой в своем розовом платье — высокая, стройная, с искусно подобранным макияжем, она была похожа на французскую креолку из глянцевого журнала.

А Юля вскоре забеременела и родила двойню. Их необычайный роман длился долгие годы, и в один из летних дней, после очередного семейного отдыха на Бали, Гири́н купил ей норковый пиджак, о котором она так долго мечтала.

— Почему сейчас? — недоумевала счастливая Юля.

— Потому, что надо готовить сани летом, а телегу зимой, — ответил он, смеясь, и добавил:

— Носи, любимая моя, а главное — не болей!

КЛЕНА УСОХШЕГО ДЛИННАЯ ТЕНЬ

Они познакомились четверть века назад. И с первой минуты он называл ее по имени отчеству — Надеждой Ильничной, а она его просто Игорьком. Наверное, иначе и быть не могло. Ведь он был пациентом, а она — медицинской сестрой, девушкой высокого роста с охапкой русых волос, стянутых резинкой, миловидным взглядом и неторопливой походкой.

Хотя разница в возрасте, всего три года, к этому его не обязывала. Просто Игорь был воспитанным семнадцатилетним юношей. Очередной пациент гематологического отделения был столь юн, что не мог осознать ужас своего нахождения в этом адском отделении. Только она, Надежда Ильнична, обладающая гипнотической внешностью, заставляющей оглядываться и смотреть ей вслед, когда она покидала палату, прекрасно понимала, что ожидает это юное создание после ряда клинических обследований и постановки диагноза. В большинстве случаев диагнозы, у пациентов гематологии, были роковыми, и не зависели ни от возраста, ни от пола. Но он, этот симпатичный парень с открытой

улыбкой и карими бархатными глазами, оказался счастливым. Диагноз его не подтвердился, что в практике молоденькой сестрички было впервые.

...Клен за больничным окном благоухал зеленой листвой. Кукушка в саду предрекала своим адресатам долгие годы.

Девичья радость за Игоря не знала предела. А он наивно не понимал всю значимость происшедшего, потому что молодость имеет талант недооценивать и не бояться ничего.

Игорь продолжал находиться в отделении пока не зажила рана на месте проведенной биопсии. И Надежда, которая так искренне радовалась за него, стала для него первым другом в этих мрачных больничных стенах, хотя он продолжал почтено называть ее по имени отчеству. Все ее дежурства он старался быть рядом с нею. Они, не обращая внимания на косые взгляды больных и врачей, часто засиживались на скамейке в прибольничном скверике, громко смеялись, обмениваясь смешными историями. А она в его глазах, вместо грустной поволоки, стала замечать озорной блеск. Не могли его глаза скрыть и то первое несмелое желание, которое возникло у него тогда, но разница в возрасте (ведь ей было

уже целых двадцать), заставляли держать Игоря в руках и соблюдать между нею и им условное расстояние, которое с каждым днем становилось все короче и короче.

Их теплая дружба имела продолжение после его выписки. Они созванивались, ходили в кино, кафе. Он был интересным собеседником, эрудированным и веселым. А она вела себя несколько отстраненно, подчеркивая разницу их возраста.

Однажды она так и сказала ему:

— Ты еще маленький и многого не понимаешь.

Долго еще после этих слов он не находил себе места, постоянно думал о ней, мысленно представлял, как целует ее, ощущая пульс ее сердца, как проводит пальцами по шелковой коже ее рук, как оберегает ее сны от внешних звуков и движений... Но она, по-видимому, тогда не услышала его, не поняла чистоты его внезапно возникшего чувства, которое разрывало его изнутри, сжимало грудь, перекрывало дыхание. Печальная трагедия первой любви, когда чувства рвутся по живому, без крови, но столько боли, столько страданий они причиняют тому, кто любит. Их последняя встреча не состоялась, она сказала, что уезжает за город с друзьями, которых он не знает и будет себя чувствовать неловко в их компании. Вот так

и оборвалась его любовь, которая Надежде совсем не была нужна.

Спустя пять лет, она, уже будучи студенткой медицинского, торопилась на лекцию.

Вдруг на многолюдном перроне метрополитена ее остановил оклик: Надежда Ильинична!

Затаив дыхание, она остановилась. И тут, из сплошной человеческой круговерти, навстречу ей пробирался он — высокий, плечистый, аккуратно одетый. Она просто оторопела. В Игоре уже трудно было узнать того робкого мальчика, каким он остался в ее памяти после их последней встречи. Она искренне обрадовалась ему, где-то подспудно понимая, что напрасно тогда отмахнулась от него, а Игорь, немного засмутившись, поцеловал ее в щечку. Он намного повзрослел и из гадкого утенка превратился в прекрасного черного лебедя — широкоплечего, сильного. Они молчали, лишь встретившиеся взгляды не требовали особого перевода — искорка прошлого промелькнула перед ними, как электрический заряд, они никогда не говорили о любви, потому что она тогда была.

— Я тороплюсь, — оборвав затянувшуюся паузу, сдерживая волнение, проговорила она, давай встретимся завтра.

Еле дождавшись окончания лекций, она помчалась к нему на свидание. А он уже ожидал ее в маленьком уютном кафе. Парень был один, на столе лежал его мобильный телефон, а рядом — букетик фиалок.

— Привет, ты давно ждешь? — пытаюсь проинформировать впечатление, сказала она, присаживаясь и одновременно отряхивая мокрый зонт.

— Нет, недавно, всего лишь несколько часов, — ответил он шуткой, вставая, чтобы помочь ей закрыть зонт.

Она пыталась не смотреть на него, что-то необъяснимо теплое вернуло в ее память те безмятежные дни, когда они так наивно и открыто выставляли напоказ свои совершенно чистые отношения, как выставляет природа свои разноцветные этюды на киноленту бегущего времени.

С самых первых минут общения она уловила в его глазах то нечто, которое придало ее ощущениям необъяснимое предчувствие близости. Они пили чай, разговаривали, но его глаза уже не прятались от нее, как раньше, они излучали необузданность и желание к близости. Он до сих пор помнил её и дорожил этой памятью, выросшей в его сознание вместе с теми неповторимыми днями их юности.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Вполне нормально, спортом занимаюсь, работаю, — непринужденно ответил Игорь.

— Вы лучше расскажите, Надежда Ильинична, как вы? Что нового у Вас?

— В медицинский поступила, после окончания мечтаю заняться врачебной практикой. А так больше и рассказать нечего. Да, больница, в которой ты лежал, теперь находится по другому адресу — новое помещение городские власти предоставили. Говорят, там теперь супер. Отдельные палаты, евроремонт. Только такого парка нет, помнишь, в котором мы с тобой время проводили?

— Да, — ответил он. — Очень жаль, уютное место было...

Они общались, забыв о времени, перебегая от одной темы к другой, обмениваясь комплиментами и шутками. И она поймала себя на мысли, что увлеклась им, что им вместе невероятно хорошо. Но он, прервав ее рассказы деликатным движением лица, тихо произнес:

— Извините, мне пора.

— Почему? — вырвалось у нее нескрываемой досадой.

— Семья ждет, я ведь женат, дочери Леночке полтора годика исполнилось. Спасибо вам за встречу, я так был счастлив сегодня, честное слово.

— Она не могла сдвинуться с места. Нет, этого не может быть! Он не мог жениться так рано... Зачем?..

Скрывая свое отчаяние, она вышла в дамскую комнату, включила кран и протянула руки к холодной воде.

«Он уходит на полуслове, я ему неинтересна. Какой ужас... И это тогда, когда я увидела в нем мужчину. Надо успокоиться. Ведь у него семья, о чем он честно сказал сам, но зачем тогда он встретился с нею? Только бы не подать вида.» Она не хотела, чтобы он догадался, пусть уходит.

Возвратившись, она посмотрела на него уже совершенно опустошенными глазами, допила свой час с бергамотом и неожиданно для себя произнесла:

— Уходи, я тоже рожу ребенка от любимого!

И он ушел, ошарашенный ее словами, брошенными вслед. Он ушел из ее жизни на двадцать лет...

Двадцать лет — это жизнь. В ее жизни было все и радость встреч и горести разлук. И страстная любовь, а результат любви — чудесная дочь.

В профессиональном плане она достигла определенных успехов, посветив свою жизнь медицине. Все эти годы были наполнены событиями, хлопотами, переживаниями, которые напрочь перечеркнули воспоминания о нем и о той их последней встрече.

Но, наверное, в жизни каждой женщины годам к сорока, наступает момент, называемый «кризисом среднего возраста». Когда достигнуты определенные вершины в бизнесе, быт устроен, выросшие дети, выпорхнувшие из гнезда. При полном материальном благополучии чувство внутренней неудовлетворенности начинает накрывать темным, тяжелым покрывалом Мир вокруг становится мрачным, скучным, а когда рядом нет близкого, любящего человека — совершенно пустым.

Последнее время эта пустота все больше и больше угнетала ее. Для нее стали невыносимы вечера, выходные дни, проводимые в одиночестве, когда работа не отвлекала, а все вокруг не могло утешить. Иногда, вот в такие минуты, единственной связью с внешним миром был интернет. Нечастое общение с друзьями на сайте «Одноклассники» с малой толикой заменяло недостающее душевное, искреннее общение. До сих пор она не может понять, как, однажды, сидя

в «Одноклассниках», ей память внезапно вернула его. Она, преодолевая волнение, задала поиск, ожидая результат с замиранием сердца.

Чудо свершилось. С фотографии на нее смотрели те же бархатные глаза, но уже прикрытые очками. Когда-то черные волосы были покрыты серебром. Это был он, ее Игорь. Из тысячи глаз она могла без промедления их найти.

Его сообщение для нее было радостной весточкой из прошлого. В нем звучал восторг, от ее неожиданного появления и надежда на их скорую встречу.

На его седые волосы сыпались крупинки январского снега. Игорь стоял у входа в метро и смотрел на движущиеся автомобили. Как будто бы выбирая для себя удобный и любимый вид транспорта. Она подбежала к нему сзади и закрыла перчатками глаза.

— Надя?! — вырвалось у него.

— А как ты догадался? — пытаюсь быть непосредственной, ответила она.

— Интуиция, — ответил он, оглядываясь.

Его уютная квартирка приняла гостью приветливо. С порога она ревностно осмотрелась и сразу успокоилась. Женщины в этом доме если

и бывали, то нечасто. А в остальном его жилище было выражением его внутреннего мира, который для нее был нов и совершенно доселе неизвестен — это мир Будды. Присутствие этого мира было в книгах, которые он читал, в элементах интерьера, даже запахе, наполненном ароматами эфирных масел, которые делая свою миссию, погружали уставшего хозяина в состояние душевного равновесия и полной расслабленности.

Конечно, она, будучи одинокой женщиной, где-то в глубине души мечтала, что их встреча будет иметь продолжение. Но, вместе с тем прекрасно понимала, что рядом сидящий мужчина, такой когда-то близкий, по истечению лет, может оказаться абсолютно чужим и далеким. Как он прожил все эти годы, какими событиями была наполнена его жизнь, чем он живет сейчас? Масса вопросов возникла у нее при общении с ним, и на которые они по-очереди давали друг другу ответы. Он посвятил ее в тонкости философии буддизма, приверженцем, которой был последние годы. И в этот миг он по-особому был прекрасен: одухотворенным, раскрепощенным и абсолютно свободным. И снова ей было с ним очень интересно и легко. Практически весь вечер

он вел себя как давний закадычный друг, а она, оставив всякие надежды, тоже чувствовала себя лишь его другом из далекого прошлого. Они пили ароматный коньяк и все говорили, говорили.

— У меня есть тост, — подняв фужер, произнес он. — Я хочу выпить за вас, Надежда Ильинична, за вашу жизнь!

«Почему так официально? — подумала она, — разве я намного старше его?»

И будто поняв это он произнес:

— Если бы ты знала скольких женщин в минуты страсти я называл твоим именем и сколько раз я получал от них за это.

Эти слова были для нее настоящим признанием. Мир вокруг как-то мгновенно перевернулся, застав ее врасплох. Понимание услышанных слов пришло к ней не сразу. Она осталась у него, стесняясь раздеться при свете огромной луны, заглядывающей в комнату. Многолетняя разлука мешала движениям, в его образе присутствовали оттенки близкого и далекого, родного и совершенно незнакомого. Но неподдельное желание взяло верх над условностями, преломляясь в звуках и оттенках нахлынувших чувств.

Утром она тихонько оделась и захлопнула за собой дверь. У нее не было больше сил на объяснения с ним, она не понимала, что делает и чего хочет. Он открыл ей свой мир, куда она вошла, ступая босиком по мраморным плитам незнакомого жилища, но тут же выпорхнула, как птица из клетки, боясь оказаться заточенной навсегда.

Она вернулась домой в полном смятении чувств. Перед ее глазами мелькала титрами ее вчерашняя жизнь. Доселе, находясь несколько месяцев в состоянии полной отрешенности, внутренней неудовлетворенности, живя без абсолютного желания общаться с мужчинами, она как будто внезапно проснулась, выйдя из оцепенения. Все вокруг начало наполняться яркими красками. Расстояния, разделявшие их столько времени, сомкнулись, а внезапная близость преумножалась в переживаниях и красках постоянно преследующих воспоминаний.

Она, не находя себе места, с нетерпением ждала, что он первым отзовется: позвонит или напишет сообщение. Но он молчал, а она терялась в домыслах. Душу переполняли эмоции, ей очень хотелось поделиться ими только с ним.

Он, позвонив спустя день, не проронил о тех стихах ни слова, просто поинтересовался:

— Как дела?

Желая услышать из его уст совершенно другое, она несмело намекнула о встрече.

Ответ немножко обескуражил ее:

— Все нормально, я завтра уезжаю.

После этих слов у нее в душе что-то оборвалось, она даже не смогла уточнить, куда он уезжает и надолго ли, потому, что в данный момент это уже не имело никакого значения для нее. Он своим ответом оборвал мостик надежды, на котором она еле стояла....

— Счастливого пути, — почти шепотом произнесла она и выключила телефон.

Спустя несколько недель их встреча все-таки произошла. Он был рад ей, но обладая тонкой интуицией, она чувствовала в отношениях какую-то натянутость, недосказанность. Это еще больше заводило ее в тупик, подогревая желание непременно во всем разобраться и выяснить. Боясь обидеть его, она осторожно начала разговор о том, что ее волновало. По сей день она благодарна ему, что у него хватило смелости открыться ей, может при этом

даже причинив ей боль. Его ответ был наполнен эмоциями, болью, даже некоторым сожалением. Он знал многих женщин. Но все отношения по разным причинам рано или поздно заканчивались. И каждое расставание для него было почти маленькой смертью. Но Надежду Ильичну он так и не смог удалить из своего сердца, потому что первая любовь неподвластна ни времени, ни расстояниям, хотя разность их миров не давала шанс на продолжение.

А старый клён, растущий под его окнами, некогда бурно шумящий магической листвой, понуро опустил свои засохшие ветви.

ГРАДУСНИК

Этот город ко всему славится еще и градусником огромного размера — установлен на стене высотного дома в прошлом веке, но до сих пор показывает правильную температуру. Теперь, правда, электроника уже выживает допотопную технику, поскольку показывает не только градусы, а также и давление воздуха, число, время... Может и отправили бы местные чиновники термометр на свалку, но многолетние традиции не позволяют — горожане назначают здесь свидания и встречи друг с другом. Именно под этим градусником решили встретиться две внушительного возраста подруги. Вернее, Таня предложила это место встречи, чтобы не потеряться и уже наверняка встретиться, а Люба согласилась, добавив, что лучшее место для встречи не сыскать.

Так вот, Таня примчалась к градуснику на пятнадцать минут раньше, так как привыкла приходить заранее и не любила опаздывать. А вот Люба... Это отдельный разговор. То она плохо спала, то транспорт подкачал... Одним словом, у нее на этот счет всегда окажется место для отговорки.

«На мой взгляд, постоянное опаздывание — это просто патология», — подумала Таня,

поскольку из собственного опыта знала, что те студенты из ее группы юридического института, кто часто опаздывал на лекции, тот и сейчас опаздывает на работу с таким же успехом. Это люди особого склада, время у них у каждого свое. А то, что опоздание — это, как минимум, неуважение к тому, кто тебя ждет, то этот вопрос их, по всей вероятности, не интересует. Одним словом, с людьми непунктуальными и опаздывающими, Таня старалась не иметь никаких дел. Не выносила нехлюйства, вот и все.

Татьяна стояла под градусником, как перед пульсом городского организма, оглядываясь вокруг, ведь здесь можно встретить процентов пятьдесят, а то и больше знакомых или стать невольным свидетелем чьей-то «тайной» встречи.

Погода совсем испортилась — подул ветер, подмораживало и вскоре пошел крупный снег, который не щадил ни шубу, ни дорогую шапку, не говоря уже про макияж. Поглядывая на часы, она набросила на голову капюшон, который навис над ее глазами, как маленькая крыша, и начала нервно прохаживаться вперед и назад, выглядывая из под «крыши» на проходивших мимо прохожих.

«Ну, где же она? Вечно копается, никогда не поспешит», — нервно ворчала про себя Таня. — И что она из себя представляет? Так, обыкновенная женщина, но как начнет куда-либо собираться, то хоть сразу убегай, чтобы нервы не тормошить. Так что самое смешное, в конце-концов она все равно вырядится в несуразное платье или бусы нацепит на шею совсем не к месту. Одним словом, непонятная какая-то».

Итак, ждет подругу Татьяна пятнадцать минут, потом еще столько же, уже начала подумывать об уходе, как в этот момент она вдруг увидела ее, бегущую на всех парусах, задыхаясь и пыхтя.

«Да», — подумала она, встретившись с нею взглядом, моя скорость движения явно не для нее».

— Ну, где ты ходишь? — с укоризной в голосе спросила Таня.

— В метро была пробка, пришлось пропустить несколько электропоездов, — выпалила, останавливаясь, Люба.

«Вы такое слышали?» — продолжала возмущаться про себя Таня. — Уже в метро пробки! А в прошлый раз кому-то из пассажиров маршрутки стало плохо. Еще бы, от такой попутчицы не то, что плохо, совсем дурно станет.

— Привет, Танюша, куда пойдём?

— Прогуливаться будем, чтобы ты смогла отдышаться, устала, бедная, — с иронией ответила Таня.

— Подожди, — вдруг остановилась Люба, — мне нужно таблетки выпить, а то что-то голова сильно разболелась, я же к тебе спешила, волновалась.

— Ну вот, — произнесла неожиданно для себя Татьяна. — Опять я во всем виновата и продолжила. — А почему ты так спешила, если встреча была назначена на определенное время. Ты что, не можешь распоряжаться своим временем?

Но ее подруга не сдавалась, оправдываясь и возмущаясь: — У тебя семьи нет, а мне надо завтрак приготовить, мужа накормить. Знаешь, сколько на это времени уходит?

— Что значит, нет семьи. Да, я не замужем, но у меня тоже есть свои обязанности по дому. Или ты думаешь, что семьи без супруга не бывает? А, нет, подруга, моя семья — это я. Разве этого мало? Просто ты несобранная, так скажи, и не надо перекладывать свои проблемы на других. — При этом Таня начала закипать, как электрический чайник, но невозмутимая Люба спокойно взяла ее за руку и еще спокойнее произнесла:

— Не расстраивайся, мы же гулять собрались.

Вот в таком эмоциональном состоянии Татьяна с совершенно испорченным настроением, молча шла рядом с Любой, про себя проклиная свою идиотскую натуру, спешащую всех понять и все принять. А на самом деле, зачем ей все это? Этот груз — по имени Люба. Она же непробивная, зато умеет настроение испортить — это ее самый главный талант.

— Давай выпьем чего-нибудь, а то я еще ничего не ела, — предложила невозмутимая Люба. — Вот и кофейня, зайдем?

— Люба, ты ведь знаешь, что я кофе давно не пью, — ответила на предложение взбудораженная Татьяна.

— Тогда по тортнику, можно тирамису со сливками, — настаивала Люба.

Татьяна молча, кивком, выразила свое согласие, тем самым показывая, что она уже почти простила подругу, после чего они зашли в маленькое помещение, где кроме них никого не было. А витрины были переполнены всякими слабостями и тянули магнитом к себе, после чего они, не сговариваясь, заказали по кусочку итальянского тортника и травяной чай. И таким образом, нарастающая буря между ними потихоньку

начала успокаиваться, и выражение лица Тани становилось все мягче и спокойнее.

— Ну, рассказывай, — уже почти непринужденно обратилась она к своей непутевой подруге.

— А что рассказывать? Встретила я Ростислава недавно в городе с другой. Представляешь, бегу я после работы в супермаркет за продуктами, вижу — какой-то мужчина среди белого дня откровенно обнимает какую-то девочку, совсем молоденькую, хрупкую, маленькую. А та бесстыдно прижимается к нему, как к родному. Он же целует ее и смеется, ни на кого не обращая внимания. Что за такая откровенная сцена, тогда подумала я. Но присмотрелась и чуть не упала с ног. Это мой муженек вытворяет. Спряталась я за дерево, стала за ними наблюдать, что же будет дальше, а сердце так и вылетает из груди, боюсь, как бы не сорваться и не обнаружить себя. Растерялась, не знаю, что делать. А они щебечут, не обращая на меня никакого внимания. Наблюдаю дальше. Вижу, он взял ее за талию, даже немного ниже, и они пошли по направлению к остановке общественного транспорта. При этом, он держал в руке небольшой чемоданчик, компьютер, наверное. Ты знаешь, я от неожиданности потеряла дар речи. Вот тебе и хваленый муж. Мне же все завидовали,

говорили, что у меня не муж, а золото. А это золото среди бела дня обнимался с нею... После этих слов Люба прикрыла свое лицо ладонями и тихо, как маленький ребенок, заплакала. — Вот видишь, Таня, а ты говоришь, что я копуша. Да от такой жизни не зашьешься. Я ведь до сих пор еще не знаю, кто она, а обнаружить себя, как свидетеля их распутства, не насмелюсь. Стыдно мне, понимаешь, как будто бы это я ему изменяю, парадокс какой-то.

— Да зачем она тебе нужна? — поддержала подругу Таня. — Ты бы лучше поинтересовалась, кто он. Да он — человек, живущий вместе с тобой. Ты хоть понимаешь, что это предательство? Ему с тобой скучно, на девочек потянуло, — вытирая салфеткой слезы подруги, произнесла Таня и продолжила: — Не реви, нюни тут развесила, надо действовать, нам нужен план, хорошо разработанный план по вычислению этого изменника, а также уличению его во лжи. А пока ты продолжай делать вид, что ничего не знаешь. Поняла?

— Да, только как мне быть, не спать с ним?

— Да делай, что хочешь, только не открывайся, что знаешь о нем...

— Да как же не раскрываться? Я так не могу, в постели должно быть все честно.

— Да иди ты, знаешь, куда со своей честностью, — вспыхнула Татьяна. — Ты понимаешь, что измена — дело тонкое, тут разобраться надо и выяснить все. А потому, молчи, как рыба в трехлитровой банке.

— Да, да буду молчать, — продолжала тихо всхлипывать Люба. Я только с тобой так откровенна, никто не должен об этом знать, а то скажут, что я дура набитая.

— Вот ты, все-таки, странная, — продолжила Таня, — тебе изменяют, и ты же еще виновата? Ну и рассуждения у тебя? Вот возьмем, например, меня. Мне муж не изменял. Лишь после развода я узнала, что у него была баба, да еще и соседка наша.

После этих слов Люба многозначительно посмотрела на подругу, и они, не сговариваясь, дружно рассмеялись на все кафе, забыв об элементарных приличиях.

— Слушай, а давай прямо сейчас поедем к тебе домой, хочу посмотреть на него, мерзавца, если он еще дома. А то, может быть, уже ускользнул к ней? — продолжала смеяться Таня.

— Нет, он сегодня никуда не пойдет, у него что-то с ногой. Простудился, наверное, — подхватила участливо Люба.

— Нет, — настаивала Таня, давай немного погуляем. — А потом все же поедем к тебе. Мне не терпится увидеть его реакцию, — продолжала настаивать на своём Таня.

— Хорошо, так и сделаем — согласилась Люба, наклонившись над своим куском торта.

Когда подружки вышли из кафе, было уже за полдень.

— Вот это мы наболтались, прямо язык болит, — пожаловалась Люба. — Пора домой.

— Нет, давай пройдемся пешочком а то как-то после такого количества сладкого тяжеловато, — ответила Таня.

Они медленно бродили по старым улочкам своего любимого города, останавливаясь перед старинными особняками, где некогда проживали дворянские фамилии, а теперь на крышах растут кусты. Возмущались работой властей, которые, по их мнению, мало уделяют внимания вопросам реставрации и сохранения архитектурных памятников старины. Любовались домом Алчевских, университетской горкой, аматорским искусством местных художников, продающих свои картины в сквере, расположенном напротив здания органной музыки...

Несмотря на заметную усталость, подружки прошли по улице Рымарской в направлении сада Шевченко, где по главной аллее сновала молодежь на роликах, голуби клевали семечки на расчищенных от снега тротуарах, а по обе стороны располагались, как диваны в гостиной, огромные скамейки, изготовленные, наверное, с такой же любовью, как и весь экстерьер этого замечательного места, предназначенного для отдыха.

Татьяна расчистила перчаткой одну из скамеек и предложила подружке присесть.

— Да здесь, как в театре, — молвила Люба, — столько лиц и образов мелькает перед глазами и все они разные, у каждого свои проблемы. Кто из них счастлив, как ты думаешь?

— Мы, — не задумываясь, ответила Таня.

— Почему ты так решила?

— Да потому, что мы еще в состоянии анализировать, а это, поверь мне, много стоит. Вот случай из моей далекой молодости. Был у меня друг, одноклассник. Все время бегал за мной. То косичку дернет, то открытку с видом на Венецию тайком мне в учебник подсунет. А я то знала, что он таким образом приветы мне посылает.

В общем, возникло между нами что-то вроде детской взаимности. Однажды я шла домой после тренировки и присела на скамеечку в парке, как вот мы с тобой сейчас. Сажу и ем мороженое, а оно такое вкусное, по рукам течет белыми ручейками, не успеваю вытирать. Так вот, капля того мороженого упала на мои кроссовки, я нагнулась, чтобы вытереть ее рукой, салфетки не было. А когда подняла голову, то увидела его, ну, Мишку своего, который приближался ко мне, держа за талию мою подругу Тасю. Знаешь, я тогда так растерялась, что ничего умного не придумала, как первой поздороваться с ними. Вот глупая, можно подумать, что они так нуждались в моем приветствии, им и без меня неплохо было. Ты не представляешь, что потом со мной творилось. Ведь я же думала, что он меня почти любит, переживает интересуется, живет, в конце концов мною, а он... — Татьяна поднялась и развела руки в стороны, продолжив: — Улетел мой школьный Ромéo, как соловей...

— Так они поженились? — любопытствовала Люба.

— Нет, они даже не целовались. Во всяком случае он так рассказывал потом. Но какие мы тогда были

разные. Если бы это произошло со мной, то я бы не смогла смотреть ему в глаза, как ты в глаза своему разлюбозному супругу. Мне тогда было стыдно за него. Не знаю какое-то смешанное чувство, но уже ничего поделать было нельзя. Он самостоятельно разрушил нашу не сформировавшуюся до конца тайну, которую потом я так восстановить и не смогла. Да и не пыталась. Зачем?

Таня опять присела на скамейку и посмотрела на свою подругу.

— Что, тебе не интересен мой рассказ?

— Почему, я тебя внимательно слушала, я... я...

— Что ты? — переспросила Таня.

— Вон посмотри, кто это идет?

— Где?

— Да вон, левее, левее.

— Да где левее? Покажи.

— Ты что, не видишь? Вон, — кивком головы показывала Таня в сторону входа в парк.

Татьяна повернулась в поворот направо и увидела, что в их сторону идет какой-то мужчина, чем-то похожий на Ростислава, рядом с девушкой. Наступила тишина. Под её звенящие звуки стали слышны позывные мелодии мобильных телефонов, сигналы автотранспорта на соседней улице, хлопки разорвавшихся воздушных шаров...

— Не трогай их, — почему-то шепотом обратилась Татьяна к подруге. — Дома разберетесь.

— Что? — переспросила растерянная Люба.

— Дома, говорю, разберетесь, идём отсюда, — настаивала на своем Таня.

— О чем ты говоришь? — покраснела Люба, пусть подойдут поближе, я им покажу, — набирающим громкость голосом ответила она.

А парочка приближалась все ближе и ближе, вот они уже поравнялись с двумя растерянными женщинами, о чем-то так бурно разговаривающими. И в этот момент Люба поднялась со своего места, сделав шаг вперед навстречу к ним. И застыла в немой сцене. На нее смотрел какой-то чем-то схожий с ее супругом мужчина, только немного выше ростом и помоложе. Он обнимал высокую девушку, одновременно поглаживая ее красивые длинные волосы.

— Да это не он, — повернувшись назад, сказала Люба. — Мы ошиблись.

В свою очередь, молодой человек спросил:

— Женщины, вы не подскажите, как пройти к театру мюзкомедии, вот дочь мечтает посмотреть оперетту Кальмана «Летучая мышь».

— Знаем, конечно, — взяла ситуацию в свои руки Таня. — Пройдите прямо, потом налево, потом еще левее, здесь недалеко.

— Спасибо большое, — почти одновременно произнесли отец и дочь, удаляясь в заданном направлении.

— Что это было? — спросила еще не отошедшая от стопора Люба. — Как я могла ошибиться? Вот что значит, о нем постоянно думаешь, так он и мерещится.

— Когда мерещится, креститься надо, — обидчиво отозвалась Таня. — Пойдем уже, а то еще, не дай Бог, опять кого-либо за своего благоверного воспримешь.

По дороге домой Татьяна находилась под влиянием этого, казалось бы, недостойного особого внимания, но до глубины нелепого случая.

«Вечно с этой Любой в какую-то переделку попадешь, — размышляла она, поднимаясь в лифте на восьмой этаж, где располагалась уже давно одинокая квартира, в которой ее никто не ждал и не встречал, но зато никто и не разочаровывал. — Вот зачем я встречалась с этой... — продолжала думать о случившемся она, принимая горячий душ. — А ведь я уже забыла, когда ревновала

и злилась. Сейчас нет его и другого не надо, устоявшееся одиночество не так болезненно, как путь к нему. Конечно, она может себе позволить так бесшабашно ошибаться, а мои ошибки уже давно позади. Да, позади, и другого мне не нужно, я уже не в том возрасте, чтобы поддаваться иллюзиям, но своего Пашку я бы никогда и ни с кем не перепутала...»

ГАРМОНИЯ ВРЕМЕН

Кристина — худенькое в кепочке создание, журналистка одного из местных телеканалов, быстро вышла из машины, захлопнула за собой дверцу и квакнула кнопкой автоблокировки.

Она уже бывала со своими однокурсниками здесь, на территории бывшего имени сахарозаводчика Леонида Кёнига, которое расположено в живописных местах Слобожанщины.

Тогда их встретил грустный, полуразрушенный замок, обрамленный пустынным парком с облущенными временем кирпичами некогда красивых и величественных каскадных террас, ведущих к пруду. Но даже такое запустение являло собой напоминание о некогда цветущей усадьбе, её архитектурный ансамбль уносил в эпоху холодной вечности. У каждого замка есть своя душа, застывшая в развалинах времен, протягивающая свои невидимы руки к приходящим современникам, и тайны... Тайны, унесенные ветрами и бурями исторических событий.

И вот она снова здесь.

Весна вскружила голову и понесла на широких ладонях присутствующих потоков и движений

белоснежные лепестки цветущих яблонь, одетых в бело-розовые платья, так как и несколько веков назад одевались дамы, живущие в этом совершенно уникальном замке последнего его владельца.

Кристина подошла к старушке, сидящей на каком-то ящике у входа на территорию замка, и поздоровалась с нею. Та медленно подняла голову и внимательно посмотрела на девушку, своими выцветшими от старости, а теперь почти белыми глазами.

— Да, детка, цветы продаю, купи, родная, сама собирала.

Понимая, что старушка её почти не слышит, Кристина взяла из её рук цветы, собранные, очевидно, где-то в поле, и настолько нежные и чистые, что их дыхание тот час же передалось ей.

— Сколько? — спросила она, держа в руке пятьдесят гривен.

Старушка отодвинула предложенные деньги и так же медленно заговорила:

— Не надо, пусть тебе будет. А потом продолжила: — Что, к Лёвке пришла?

Не понимая о чем она говорила, Кристина сразу не нашлась, что ей ответить, но, надо же как-то с нею разобраться. За цветы деньги

не берет, хотя она все же положила их ей на колени, о каком-то Лёвке упоминает.

«Наверное нужно, отойти от неё, совсем ничего не слышит и, судя по всему, не понимает», — подумала Кристина. Но как только она сделала одно движение в сторону, как старушка окликнула её и попросила вернуться, сказав, что у неё есть, что ей поведать.

После этих слов Кристина вообще смутилась, догадываясь, что имеет дело с не совсем здоровым пожилым человеком.

— Присядь со мной рядом, — заговорила загадочно старуха, — я хочу рассказать тебе о нем.

— О ком? — уже нескрывая раздражённо ответила Кристина.

— О Кёниге, который жил в этом дворце... — тихо начала она. — Его Лёвкой в народе величали. Я слышала от своей прабабушки о том, что он любил простую крестьянку из нашего села и даже женился на ней.

— Вы ничего не путаете? — спросила ее Кристина.

— Нет, она жила с ним здесь и умерла от чахотки, он очень любил ее, даже сахарную горку ей сделал из настоящего сахара, чтобы

каталась летом на санках. Мне рассказывала моя бабушка, а ей — её бабушка, что барышня, так ее называли, имени не помню, так вскружила голову барину, что он даже простил ей измену, когда она была в Крыму, и камень оттуда привёз. Видели?.. Это тот камень, он лежит вон там, недалеко от охотничьего домика. Так вот на этом камне она ему изменила.

После этих слов старушка тихонько засмеялась, вытирая кончиком платка проступившие старческие слёзы, и добавила:

— Добрый он был человек, но несчастный, не везло ему с женами.

Она наклонила голову, как бы всматриваясь в землю под ногами, где сновали оживленные теплом муравьи, и замолчала.

— А что вы еще знаете, может быть, ваши односельчане о чем-то вам рассказывали?

— Ой, детка, я много чего знаю, не рассказать и за год, — ответила она, покачивая своей убелённой сединами головой.

— Вот смотри, вон туда смотри, — она показала дрожащей рукой в сторону пруда. — Там лебеди плавали для нее, и деревья посажены для нее, все здесь было сделано для нее. Вот специально, зная,

что она любит цветы, Кёниг построил оранжерею, чтобы каждое утро к ее постели доставляли живые розы. Вот так.

— Спасибо Вам, спасибо за всё, — ответила Кристина, спешно уходя.

А вокруг ветер нежным вихрем вовлекал в свои объятия ветви свисающих со склонов деревьев, поднимая длинные платья невест, приехавших сюда в день свадьбы со своими избранниками, и кружа в своем вихре чью-то сорвавшуюся фату, которая летела над балясинами террас, цепляясь за колючие кусты уже успевшего зацвести шиповника, медленно опустившись на зеленый ковер весенней травы, как-бы извиняясь за свой спонтанный полет. А хозяйка фаты — милостивая, чуть покрасневшая от возникшего неудобства девушка, бежала все это время за ней босиком, приподняв правой рукой длинное белое платье, держа в левой руке свои белые туфельки. И в ее движении невозможно было не узнать ту необъяснимую тревогу перед судьбой, смятение и страх не догнать, не успеть выхватить у ветра, мечущуюся по травяному полю, эту фату, как атрибут чего-то таинственного и очень важного в её жизни.

А совсем рядом фотограф наводил объектив фотоаппарата на разместившуюся здесь же на лужайке, где было так много одуванчиков, уже состоявшуюся несколько часов назад супружескую пару. При этом, невеста опустила в своем белом убранстве на нежные иголочки весенней травки так, что казалась большой белой птицей, готовой в любой момент вспорхнуть ввысь, а ее уже законный супруг, счастливый молодой человек, в отутюженном свадебном костюме, стоял перед нею на одном колене, а в его застывшей перед камерой руке еле подвижно дрожал в переливах солнечных лучей, почти повторяя удары его пульса, букетик свадебных роз. В целом, эта сцена фотосессии мгновенно отразила близость возлюбленных, их желание на долгие годы запечатлеть этот миг в рамках свадебных фотографий, которые впоследствии станут достоянием и гордостью их семьи.

В этот момент молодой журналистке подумалось:

«Вот он, еще один спектакль... А сколько ролей у каждого из нас в этой жизни. И каждая — талантливей предыдущей. Сейчас здесь все фотографируются, чтобы увековечиться, и в каждой,

пойманной её взглядом пьесе, присутствовали нотки ежеминутного счастья. Именно счастья и стремления жить вечно и красиво на этой цветущей земле. И хотя бы на время присутствия здесь ощутить себя человеком иного, не знакомого сословия, культуры и манер, а главное — тишины и размеренности, чего так не хватает в сегодняшнем дне... А в голове уже побежали строки только что набросанных ею стихов из «Шаровского парка»:

*Воздушных платьев дым, невест красивых лики...
Фотографы снуют, на окнах замка блики...
И еле уловим прошедший век вздыхает...
Всем, кто пришел сюда, он тайны открывает.*

Кристина с интересом рассматривает присутствующих посетителей, любителю великолепными архитектурными решениями, входит вместе с какой-то группой туристов вовнутрь замка, состоящего из нескольких залов и множества комнат с сохранившимися дубовыми панелями, большим голубым залом с сохранившимися расписными фресками на потолке, уникальными каминами, огромными зеркалами старинной работы еще тех времен. Это же чудо! Всё сохранилось, осталось

почти нетронутым временем и людьми, которые имеют талант, как к возведению шедевров архитектуры, так и к их разрушению. Всюду присутствует дух минувших времен и молчаливый покой стен, впитавших в себя, как в невидимое хранилище, многоголосую субстанцию старины.

На мгновение она представила, как кружатся пары, как опускается и поднимается смычок скрипача придворного оркестра, расположенного на балконе, и как задумчиво стоят вдоль стен в напудренных париках вельможи, как греют зимой, подойдя к каминам, свои озябшие ручки только что прибывшие гости. В её представлении здесь по-прежнему теплится дух людей, давно оставивших этот мир, но их шаги по-прежнему ощутимы и близки.

*И слышен бал из зала голубого
И кавалеры дам ведут к мазурке снова.
И лучезарность дня летит сквозь стены лет,
И герб хозяина хранит любви портрет.*

Покоренная увиденным, Кристина вышла из замка, охваченная каким-то непонятным ощущением преследующего духа аристократизма

и благородства, и непроизвольно побрела по липовой аллее, встречая толпы посетителей, которые снимали друг друга на мобильные телефоны у шестисотлетнего дуба, держащегося своими корнями за благословенную землю предков, у сторожевого домика, у камня любви, на котором по легенде, изменила Леопольду Кёнигу его супруга, отдыхая в Крыму...

И невольно прорываются сквозь её захватывающее впечатление строки из «Шаровского парка»:

*Дворцовый шум звенит,
пробившись сквозь века,
Беседка тень хранит и тает в облаках,
Гармония времен, слитая воедино,
И одинокий дуб стоит, как страж ревнивый...*

Все та же сгорбленная старуха провожала её на выходе из ворот, покашливая и держась а искривленную палку.

— Ну что, детка, камень видела?

— Да, бабуля, — с теплотой ответила Кристина, — видела, и даже посидела на нем.

— Ты на меня, старую, не обижайся, наговорила я тебе давеча всякого, а может и неправда всё это.

Лёвка, он хороший был, крестьян не обижал, не чурался ихнею жизнью ... И её джуже любил.

— А как зовут вас, бабушка, — спросила окрыленная увиденным Кристина.

— Скоро девяносто годков будет, — ответила она, добавив, — Ещё придешь?

— Приеду, обязательно приеду, а вы будете здесь? — спросила Кристина.

— Как не помру, буду, — послышался в ответ глухой голос старухи.

По возвращении домой она устало смотрела в окно автомобиля и наслаждалась живописными видами украинской природы, воскресшей после зимних морозов и обжигающих холодом метелей. Прищурившись от яркого весеннего солнца, она как через разноцветное стекло, любовалась утопающими в молоке весны садами, полями с проросшей озимой пшеницей, облаками, плывущими овечьими стайками над этой воистину благодатной землей.

И погрузившись в патоку несоизмеримого ни с чем внутреннего наслаждения она представила бегущих рядом лошадей, запряженных в роскошные кареты, в маленьких окошечках которых мелькали, как в дымке, утонченные лица

дам и покачивающиеся цилиндры господ. Кристина слышала, как сквозь синхронный цокот копыт доносятся из параллельного мира, скрываемого занавесом современности, их звонкие голоса, как мелькают меж весенней многоцветностью природы их восковые лики, освещенные аристократическими улыбками... Они, окутанные голубоватой дымкой, смотрели на неё глазами прежних столетий, оставляя неизгладимое впечатление нахлынувшего воображения...

(стихи Л. Никулиной)

ЦВЕТ ЦИРКОНИЯ

Марьяна задумчиво стояла у берега моря, держа в руке стакан с холодным напитком махито, и бессмысленно тянула через трубочку освежающую жидкость. Поля её шляпы то и дело поднимались и разворачивались ветром то в одну, то в другую сторону. Опуская в солёную воду свои ноги и поддаваясь периодически наступающим и сползающим по песчаному берегу волнам, она задумчиво всматривалась вдаль, а края её оранжевого и откровенно открытого на плечах шифонового сарафана хаотично полоскались, как бы пытаясь отвлечь свою хозяйку от мрачных раздумий.

Вот уже более двух недель она находится здесь, периодически загорая, прогуливаясь по кружевному пенистому побережью, занимается по вечерам переводами документации с украинского на китайский, по заказу одной из коммерческих фирм. Переводы — её хобби.

Однако, эта внутренняя идиллия продолжалась недолго, внезапная встреча с ними её не только обескуражила, но и абсолютно выбила из сложившегося графика. Она так стремилась

сюда, с нетерпением поглядывая в иллюминатор самолёта, который, на удивление, плыл ровно, без каких либо колебаний и воздушных ям, набирая скорость и оставляя внизу под собой изрезанную полями землю и кучки растерянных облаков.

Приближаясь к морскому воздуху, чайкам, и даже к некоторому отшельничеству, Марьяна была одержима своими мыслями и переживаниями, которые не покидали её с того рокового дня.

И вот она здесь, на этом почти безлюдном месте, где волны, перебирая свои шуршащие ноты, издают успокаивающие звуки, которые в минуты отчаянья, безысходности, либо запущенной усталости, так необходимы ей именно сейчас, и которые помогают вернуться к себе, не остерегаясь укоров и безрассудных осуждений.

Здесь она не впервые. В прошлый сезон, когда она была уже одна, в её номер даже залетал попугай, такой красавчик, с фиолетово-жёлтыми перьями. Он беззвучно завис на сетчатой шторе и внимательно наблюдал за обстановкой. А может это душа его прилетала?

Вообще в этих местах и время, и восприятие являются особенными и совершенно не похожими на мегаполисную тяжеловесность и неразбериху современных городов.

Сюда она приехала одна, чтобы отдохнуть от мрачных мыслей, занудливых родителей и от себя самой, наконец.

«А вот и они, — она резко оглянулась, а в руке дрогнул стакан, — Снова пришли сюда утром, как специально! Надо же? Столько места вокруг. Ан, нет, надо именно сюда, чтобы вконец испытать её терпение! Издеваются, что ли», — встречая своих преследователей недовольным взглядом, подумала про себя Марьяна, после чего, спешно расстегнув сарафан, она, не раздумывая, шагнула в воду, пытаясь укрыться от цепляющихся за все части её тела, царапающих горло и навязчиво преследующих воспоминаний. Она плыла, поддаваясь толчкам ласковых волн, глядя на сапфировое африканское небо, устланное перистыми разводами, как на её вечернем платье. К берегу возвращаться не хотелось, потому, что они сразу же подойдут и начнут расспрашивать.

Столько времени прошло, а она всё ждёт его, своего любимого, который буквально ворвался в её жизнь, разбросал там всё, растормошил... и ушел... скрылся... Вернее, погиб. Более полутора лет она всё ждёт его — вот позвонит, постучится в дверь её огромной старинной квартиры, доставшейся

ей по наследству от бабушки, где они за полгода до той трагедии проживали со Славиком вместе. Тогда и произошла между ними первая близость, такая страстная и несколько неуклюжая, но, сколько же оттенков и чувств возникло в их отношениях! Руки... у него такие мужские руки, как же не хватает их сейчас!. Недавно, буквально перед отъездом, она видела его во сне... Как будто он жив, смеётся и обнимает её, она даже проснулась от наслаждения... Но, к сожалению, то был только сон.

Лазурное море уносило её всё дальше от берега, подгоняя и маня в свои бескрайние воды.

«Надо возвращаться», — заглушая своё дыхание, подумала Марьяна, переворачиваясь на спину. — Но, как же здесь хорошо! Она не спешила выходить из воды, упала на мокрый песок недалеко от берега и продолжала раскачиваться на прибывающих легких волнах, которые то наступали, то отползали назад.

— Марьяна, — послышалось сзади. — Здравствуй, как спалось?

Она обернулась, рядом стояла Лиля, уже успевшая обгореть, поправляла завязки на своём открытом купальнике.

— Да ничего, можно даже сказать, что хорошо, — чуть кривясь от света ответила она.

— А мы вот тоже решили с утра пораньше в море окунуться, а то жара днём будет. Михаилу нельзя, у него давление что-то стало пошаливать. — При этом, Лиля смотрела на Марьяну своими хитрыми, неисправимо любопытным глазами, как смотрят дети на игрушки, которые им никогда не купят. — А как живешь вообще? Замуж не вышла? — продолжала Лиля задавать дежурные вопросы.

— Я замужем и ты знаешь за кем, — пытаюсь держаться ровно, ответила Марьяна.

— Вот дурёха, вы же не были расписаны, да и Славы давно уже нет. Устраивай свою жизнь, пока молодая, а то завянешь — никто не посмотрит, — настаивала на своём Лиля.

Марьяна встала, подняла с песка свой сарафан, в упор посмотрела на Лизу и произнесла:

— Не волнуйся, за твоего Мишку я никогда не выйду. И когда ты уже оставишь эту тему?

— Никогда, — ответила обиженная Лиля, продолжив. — Ты думаешь мне легко смотреть, как он сохнет по тебе? А отпустить не могу... Он мне нужен... неужели ты до сих пор этого не поняла?

— Чего? — переспросила Марьяна, надевая очки. — Что ты там себе нарисовала? Ты в своём уме? Я брата его потеряла, любимого мне человека!!! Да что тебе объяснять? Вот зачем, спрашивается, мне нужен твой муж, да знаешь ли ты, что я до сих пор Славика жду. Вот ты стоишь передо мной со своими рассуждениями, а у меня даже слез уже нет, такая пустота после него, понимаешь? Я до сих пор жду его. Зачем мне его брат, который является твоим мужем? Ну и что из того, что они близнецы, но ты же не заглядывала в его душу. Никто не имеет права переступить порог наших со Славиком отношений. Никто! Или ты думаешь, что его уже больше никогда не будет? Ошибаешься, его всё равно найдут, не мог он просто так исчезнуть... не мог...

После этих слов Марьяна надела шляпу, подняла перевернувшийся стакан, и усталой походкой побрела по уже раскалённому, обжигающему её голые пятки песку, к своему бунгалу. Она больше никогда не будет разговаривать с Лилей, которая, по её мнению, настолько тупа, что не в состоянии ни понять, ни принять ситуацию такой, какой она была на самом деле.

Тогда, в день трагедии, ей было девятнадцать, Славе и его брату-близнецу Мишке — по двадцать

пять лет. Они занимались в одном фитнес клубе, там и познакомились. Слава сразу же предложил ей после тренировки пойти куда-нибудь. А его брат на тот момент уже встречался с Лилей, которая всегда вела себя высокомерно, неплохо одевалась, но постоянно молчала. Возможно, не хотела обнажать свою недалёкость.

Их отношения развивались в ногу с тенденциями современного общества — стремительно, без каких-либо комплексов и условностей, несмотря на то, что Слава был старше её на шесть лет. Она — начинающая балерина, а он тренер фитнесклуба по бодибилдингу. Буквально каждый вечер он ждал её у театра, где она с недавнего времени работала, а как-то даже принес за пазухой её забытую дома вязаную шапочку, чтобы не замерзла. Они часто бродили по пустынным ночным улицам, не замечая времени, а он прижимал её дрожащими руками к себе, остерегая от прохлады и наступающего предутреннего тумана. Михаил, который также работал тренером, при встрече как-то неоднозначно посматривал на неё. Даже когда-то в кино пригласил. Она отказала, конечно, не говоря об этом Славе, но осадок после этого какой-то неприятный остался. За спиной у брата заигрывать с его девушкой — это не то

что не по-мужски, а даже больше, ведь они братья. А вместе с тем, братья не имели абсолютной схожести. Славик был блондином, с почти белыми бровями. Он даже был немножко выше своего брата Мишки, русоволосого, имеющего несмотря на возраст залысины, он был малообщителен и даже где-то немного скрытным. Но несмотря на это, он на Марьяну поглядывал, смешно опуская глаза, чего не могли не заметить окружающие.

Вместе с тем, их роман со Славиком продолжался полтора года. Вернее, не роман, это слишком было бы помпезно, скорее, сумасшествие какое-то. Они не могли долго находиться друг без друга, каждая минута, нет, секунда, нет, еще меньше прожитой ими жизни была наполнена таким фантастическим колоритом взаимных чувств и эмоций, что, казалось, они могли летать, да и летали, пока не случилась эта трагедия.

Как-то, они всем своим квартетом отдыхали в Тунисе. Как же он тогда за нею ухаживал! Разбросанные розы на её подушке, холодное шампанское, посещение кальянной комнаты и ночного восточного базара... Он щедро дарил ей этот загадочный мир северной Африки, так трепетно и безоглядно, насколько хватало чистоты и открытости в его душе. А ночью они любовались

звёздами, такими яркими и такими большими, кажущимися светящимися яблоками, свисающими с прозрачных веток небосвода.

В один из дней Мишка и Лиля предложили совершить морскую прогулку на яхте. Раздумывать долго не пришлось. Их попутчиками были туристы из разных отелей, всего около пятнадцати человек, не считая команду и обслуживающий персонал. Здесь же работали аниматоры, которые занимались их досугом.

Они вышли в море, когда было еще совсем рано. Находясь в объятиях морского блаженства, они в обнимку, не отрываясь друг от друга, любовались безмолвным колеблющимся морским пространством, которое, как живой организм шевелилось и покачивало яхту. Было очень комфортно. Официанты подавали рыбу, прохладительные напитки, вино, аниматоры включили популярную мелодию под которую многие танцевали, дурачились, громко смеялись... Одним словом, отдых был в разгаре.

Ближе к полудню, один из аниматоров предложил желающим искупаться в открытом море. Если бы она тогда знала, чем это всё обернется, то вцепилась бы в него мёртвой хваткой и не отпустила бы... Но как же можно было предвидеть,

что он, профессиональный спортсмен, погибнет среди множества людей, слабее его физически во много раз, некоторые из них вообще не умели плавать и держались на воде за счёт надутых воздухом жилеток.

Они вместе погрузились в хрустальную субстанцию, состоящую из кристально чистой малахитового цвета воды, и отплыли от яхты на несколько десятков метров. Какое это было счастье! Среди такой невиданной чистоты и простора они казались маленькими мурашками, попавшими в бассейн.

Они плавали, смеялись, наслаждались близостью своих тел.

Вдруг послышался раздражающий крик со стороны яхты.

— Он утонул! Помогите, — кричала женщина.

Не помня себя, они быстро поплыли к тому месту, где уже началась паника. Отдыхавшие сбились у лестницы, ведущей на яхту, торопясь вернуться назад, создавалась хаотичная возня и неразбериха. Крики и возгласы пронзали нарушенное пространство.

Марьяна огляделась вокруг, его нигде не было.

— Славик! — захлёбываясь солёной водой, кричала она. — Славик!!!

Но его нигде не было.

— Помогите!.. Славик!.. — задыхаясь, она звала на помощь. Но её никто не слышал, все были заняты своим спасением.

Когда она очнулась, то ощутила себя, лежащей на палубе, а совсем рядом раздавались голоса:

— Двоих не нашли, спасатели сейчас подъедут, надо подождать...

— Что со мной? — обессилено поднявшись на ноги, спросила она. — Где Славик?

— Не волнуйтесь, — тихо ответил подошедший капитан. — Вы потеряли сознание, а вашего молодого человека мы найдем. Он утопающего мальчика спасал. Говорил же я, чтобы пьяные в воду не спускались, ведь мы находимся далеко от берега. Да и глубина здесь приличная.

— Он не употреблял спиртное, он не был пьян... Где Славик? — сквозь невыносимую тишину произнесла она. — Где он?

В это время к ней подошли Лиля и Михаил, в руках у них были вещи Славика, а Миша судорожно плакал.

— Он утонул, — дрожащим голосом произнес Миша, бормоча сквозь слезы, — что я скажу нашей маме?.. — А Лиля, молча держала его за руку, как бы догадываясь, что уже ничего нельзя сделать.

— Помогите мне спуститься, я найду его! — закричала Марьяна. — Он жив, он не мог уйти...

Она в изнеможении опустилась на скамейку, а прибывшие спасатели искали утопленников, которыми оказались Славик и ещё один парень — сын повара, который помогал отцу по кухне. Кто же знал, что так получится?

Потом, уже в больнице, ей стало известно, что в день их отдыха на яхте во время купания в море чей-то мальчик начал тонуть. Он уже был под водой, когда на помощь подплыли сын повара и Славик, который нашёл под водой ребёнка, поднял его наверх, передал мечущейся по палубе маме. А сын повара по имени Георгий не вернулся. Тогда Славик нырнул вторично и...

Их обоих так до сих пор и не нашли. Куда их могли затянуть волны, никто не знает...

— Лиля, уходи, я не могу и не хочу тебя видеть... Что вы все бродите за мной, как тени? — очнулась от воспоминаний Марьяна. Неужели вы не понимаете, что я до сих пор жду его? Не разрушайте мои надежды, не преследуйте меня своими сочувствиями и советами, я не нуждаюсь в них, понимаете?.. — Её голос, подхваченный ветром, гулким отражением бежал туда, где она в последний раз видела его.

На следующий день Марьяна не выходила из своего номера. Она бережно достала из своей сумки несколько фотографий, которые постоянно носила с собой. На снимках они оба выглядели такими счастливыми и такими родными, что это сияние, казалось, слилось в одно пятно, обрамлённое неземным свечением.

— Слава! — расплакалась она, — отзовись, ведь ты жив, правда?..

Голова её шумела и наливалась какой-то тяжестью, на запавших щеках появились бурые пятна...

«Конечно, он жив, — думала она, — ведь тогда совсем недалеко от них проплывало иностранное судно, они нашли его и предоставили убежище... Господи, какое убежище, от кого ему скрываться... А может быть его кредиторы из банка преследовали? Ведь он накануне взял приличную сумму и, как ей известно, не погашал... Тогда почему Мишку не тронули? Он же был поручителем по данному кредитному обязательству...»

Она неподвижно сидела, уткнувшись взглядом в какой-то постер с видом на итальянскую террасу, висевший на противоположной стене, потом, свернувшись калачиком, как маленький котёнок, уставший от поисков затерявшейся

кошки, и так лежала до самого вечера, в приглушенной задвинутыми жалюзи комнате. Отрепшенность и бесконечная скорбь о нём настолько истощили её, что, казалось, она не живёт, а лишь присутствует среди движений и перемен, которые наотрез отказывается воспринимать. Ей было абсолютно безразлично, где они сейчас — его родственники — Мишка и Лиля, даже неинтересно, зачем они приехали сюда в одно и то же время с ней... У неё была лишь одна цель, не покидающая её ни во сне, ни наяву. Она должна найти его, чтобы снова прижаться к заросшей щеке, и хотя бы ещё один раз ощутить близость с ним.

«Что она здесь делает, зачем приехала?..»

Её мысли металась по углам закрытого ото всех сознания, оставляя глубокие царапины, которые зудели и кровоточили, как раны от пчелиных укусов... Она пыталась внутренне собраться, но маятник нарастающего беспокойства раскачивался всё быстрее и хаотичнее, отчего внутренняя буря становилась всё сильнее и тяжеловеснее, перекрывая все надежды и выходы...

— Нет! — пыталась вырваться она от удушливого приступа... Н-е-е-т!!!...

Она вскочила, схватила стеклянную бутылку с минералкой и запустила ею в настенное зеркало, которое от удара разлетелось вдребезги.

— Нет!!! Он жив...

Израженные ступни оставляли кровавые следы, ведущие в ванную комнату, из которой доносились протяжные возгласы и стенания.

А когда солнце уже стало прикрывать свои воспалённые глаза лучиками разноцветных ресниц, она почти успокоилась, достала из сейфа колечко с цирконием, которое он подарил ей на день Святого Валентина, надела его на безымянный палец и направилась к морю.

Она плыла долго, не оглядываясь и не желая видеть оставленный берег. Всё те же волны полоскали её распущенные волосы... И не было ни неба, ни земли. Загадочная вода обнимала и манила, унося её все дальше и дальше от берега, придавая мелькающему камню её колечка лазурное свечение.

Вдруг её пульс стал биться все чаще и чаще, а вода казалась всё мягче и расплывчатей. Тело медленно опускалось, а вверх поднимались густые пузырьки кислорода.

«Я найду его — думала она, — я скоро узнаю всю правду... Славик!!!»

И ощутив невероятную лёгкость, она медленно опускалась туда, где среди пёстрых рыбок, снующих во все стороны, и шелковистых сплетений водорослей её ждал он, такой же близкий и родной...

А рядом тонуло уставшее солнце, которое тушило свои лучи в прохладной морской воде, отчего поднимался густой пар, такой же тёплый и сиешинутный, как их недолгая любовь...

— Марьяна... — прошептал он, протягивая к ней свои руки.

— Марьяна! — шипел и кружился, извиваясь в цепких объятиях наступившей ночи, уставший день.

— Марьяна! — вторило взволнованное море, перебирая грани утонувшего циркония...

СОДЕРЖАНИЕ

Крупными буквами пишется жизнь	3
Клетка	7
Полтавская запредельность	28
Визитка	54
Клена усохшего длинная тень	75
Градусник	89
Гармония времен	104
Цвет циркония	115

Літературно-художнє видання

НИКУЛІНА
Людмила Петрівна

КЛЕТКА

(російською мовою)

Редактор Н. Виноградська
Коректура авторська.
Комп'ютерна верстка Д. Заболотських

Підписано до друку 03.09.2014.
Формат 70x108/32. Папір офсетний.
Друк цифровий. Гарнітура «Linux Libertine».
Умов. друк. арк. 5,36. Замовлення № 227.

Свідоцтво ХК №164 від 20.12.2005 р.
про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів
видавничої продукції.

Видавництво ФО-П Федорко М. Ю.
Україна, м. Харків, вул. Сумська, 4, оф.135
тел.: +38 (057) 758-19-46, (050) 323-55-86
e-mail: fop.fedorko@gmail.com
facebook.com/fedorkobooks